

ПРИЗВАНИЕ – ПИСАТЕЛЬ

СБОРНИК
НОМИНАНТОВ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ

Сборник
Призвание – писатель. Том 2

«Ларина Татьяна Андреевна»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сборник

Призвание – писатель. Том 2 / Сборник — «Ларина Татьяна Андреевна», 2022

ISBN 978-5-907557-20-8

В сборнике современной прозы и поэзии издательство «Четыре» вновь объединило литераторов ближнего и дальнего зарубежья. Читатели не только встретятся с уже знакомыми и полюбившимися авторами, но и откроют для себя новые имена. Эра компьютеров и интернета всё больше покоряет мир. Несмотря на это, нам пока сложно представить свою жизнь без хороших книг. Увлекательные сюжеты и интересные персонажи неизменно привлекают нас, заставляя испытать радость либо почувствовать боль. И всё это благодаря руке писателя и его кропотливой работе. Наша жизнь непредсказуема и многогранна, а литература, помимо природного дарования, требует отточенного слога, терпения и ежедневного труда. И лишь время даст понять, действительно ли стремление писать – призвание от слова «зов».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907557-20-8

© Сборник, 2022

© Ларина Татьяна Андреевна, 2022

Содержание

Писать от слова «зов»	6
Анатолий Белоусов	7
Избранник	8
Татьяна Богомолова	23
В потоке	24
Светлана Бугримова	27
Chicken soup for the soul	28
Как хорошо иметь собаку!	29
Смакую жизнь	30
Сказка о маленьком семечке. История Жизни и Любви	31
Она	33
Время – песок	34
Важные мысли утром и вечером	35
Вечерний вагон и фиолетовый цветок	36
Космический сад	37
Люди!	38
У меня над головой...	39
Детское воспоминание	40
Букет	41
Жил на свете поэт один...	42
Русалочка	43
Как много в образе...	45
Нежное прикосновение	46
Солнечный зайчик	47
О надёжности	48
Вы видели танец Вселенной?	49
Игорь Вайсман	50
О месте подвига в наше мирное время	51
Герой нашего времени в современном пейзаже	53
Алла Валько	55
Сострадание	56
Александр Ведров	59
Волчица	60
Глава 1	60
Глава 2	63
Ольга Вересняк	69
Печальные глаза	70
Новогодний подарок судьбы	71
Первый прыжок	72
Сирень	73
Наира Григори	74
Фёдор	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Призвание – писатель. Том 2

© Издательство «Четыре», 2022

Писать от слова «зов»

Вникая в некоторые слова, в самое их звучание, мы находим их первоначальный смысл...

К. Паустовский. «Золотая роза»

Эра компьютеров и интернета всё больше покоряет мир. Несмотря на это, нам пока сложно представить свою жизнь без хороших книг, которые вызывают сопереживание их героям, дают пищу для ума, заставляя размышлять, а порой и действовать.

А чтобы мы могли читать книги (и не столь важно – электронные или бумажные), необходимы люди, их пишущие. Уже знакомые, полюбившиеся авторы, а также новые имена. Поэтому издательство «Четыре» предлагает вашему вниманию этот сборник, который вновь объединил современных литераторов ближнего и дальнего зарубежья.

Жизнь писателя увлекательна, наполнена яркими событиями и впечатлениями, но в то же время не так проста, как может показаться на первый взгляд. В поисках интересного сюжета или персонажа, который бы точно вписался в фабулу произведения, автор порой проводит долгие бессонные ночи. Именно они, досконально продуманные и такие живые герои, привлекают нас своими поступками или образом мыслей, заставляют испытать радость либо прочувствовать их боль. И всё это благодаря руке писателя и его кропотливой работе.

Что же влечёт людей к литературе, этому тонкому и прекрасному занятию? Прежде всего голос собственного сердца. «Призвание» и «зов» – слова однокоренные...

Можно научиться сочинять красивые тексты после обучения на филфаке или мастер-классе, можно слагать стихи, которые будут совершенными в плане рифмы и размера. Но если в этом не чувствуется душа... Если, читая, не ощущаешь так называемой искры... Вряд ли в таком случае сочинителя ждёт успех. А вот когда его творение рождает собственный маленький мир, в который читатель погружается и живёт вместе с автором, тогда это настоящее предназначение.

Однако наша жизнь непредсказуема и многогранна, а литература, помимо природного дарования, требует отточенного слога, терпения и ежедневного труда. Случается, что талант и вдохновение замещаются другими необходимыми писателю свойствами: профессионализмом и самообытностью, жизненным опытом и богатым словарным запасом. И лишь время даст понять, действительно ли непреодолимое желание писать – призвание от слова «зов».

Анатолий Белоусов

Родился 17 декабря 1974 года. Окончил Удмуртский государственный университет по специальности «Издательское дело и редактирование».

Творчеством начал заниматься ещё в школьные годы. С 1994-го регулярно печатался в журнале «Луч» (учредитель – Союз писателей Удмуртии), а также в журналах «Урал» и «Наши Современники».

За период с 1994 по 2003 год Анатолий Анатольевич опубликовал множество стихотворных и прозаических подборок. Литературные псевдонимы – Иван Хлюпов, Александр Тагес. В 1998 году получил первую премию на конкурсе молодых литераторов, объявленном Союзом писателей Удмуртии и редакцией журнала «Луч».

Опубликован роман «Омикрон» (2020), а в 2021 году – цикл из четырёх книг: «Соло на Витгенштейне», «Евангелие от Морфея», «Плерома», «Омикрон».

Женат, воспитывает двоих детей.

Избранник

...человек всегда в сложной зависимости и чувствует себя свободным лишь потому, что благодаря долголетней привычке не ощущает своих оков...

Ф. Ницше. «Странник и его тень»

...Отпустив такси, Сергей достал сигарету, закурил и осмотрелся. Вход в парк находился на противоположной стороне улицы. Старинная чугунная ограда, полуразрушенная арка из красного кирпича. Асфальтовая дорожка и массивные облупившиеся скамейки. Очень, очень старый парк. Должно быть, ему лет сто, а может, и все двести. Сергей медленно пересек улицу. Решетка оказалась незапертой, и он без труда проскользнул внутрь. В парке было пусто. Ни одной живой души. Да и кому здесь быть, в такую-то рань?

Сергей шел не спеша. То тут, то там ему попадались опрокинутые урны, сломанные ветром ветки, обрывки газет, смятые стаканчики из-под мороженого. Толстый ковер сухих листьев приглушал шаги. Да, парк этот, без сомнения, уже давно никому не нужен. «Что ж, наверное, он этому только рад, – подумал Сергей. – Я бы, по крайней мере, был счастлив оказаться на его месте. Вообразить только, как это прекрасно: быть таким вот заброшенным, забытым и никому не нужным парком. Никому! Стоять себе, потихоньку разрушаться, умирать...»

Хотя почему обязательно умирать? Не умирать, а возвращаться в свое истинное, дикое состояние. Сначала все дорожки засыплет листвой, потом сквозь потрескавшийся асфальт начнут пробиваться молодые побеги. Как знать, возможно, лет через десять, глядя на буйно выросший лесок, никто и не вспомнит, что когда-то он был парком. Впрочем, нет. Скорее всего, через десять лет о парке никто не вспомнит совсем по другой причине. На этом месте будет стоять новый жилой комплекс или платная автостоянка.

Дойдя до высохшего, заваленного мусором фонтана, Сергей очистил одну из скамеек от листьев, бросил на нее плащ, поставил сиреневую спортивную сумку и уселся сам. Вскоре показался Владимир. Сонный, хмурый, он вынырнул откуда-то из зарослей. Недовольно обвел глазами площадку, но, заметив Сергея, удивленно присвистнул, расплываясь в улыбке.

– Привет-привет! – с наигранной веселостью воскликнул он. – А я, честно говоря, вообще не хотел приходить. Чего, думаю, ради на посмешище себя выставить? Так, стало быть, это не шутка и не пьяный треп. Или ты все-таки что-то задумал?

В голосе его звучала ирония, однако в глазах этой иронии отнюдь не наблюдалось. Скорее растерянность или недоумение.

– Привет, – хмуро ответил Сергей, не подавая руки.

Владимир уселся рядом, покосился на сумку:

– Ну и что, как все это понимать?

– Так и понимай. – Сергей подпихнул к нему сумку, пару раз затянулся и отбросил окурочок в сторону. – Семь миллионов. Бери, они твои.

Владимир захохотал, но смех сорвался и вышел очень похожим на кваканье.

– Ага, – он возбужденно заерзал, – я суну в нее руку, а там капкан, да? Или бультерьер? А может...

– А ты не суй руку, – холодно перебил Сергей, – ты просто открой молнию и загляни внутрь.

– Ага, загляни...

Владимир обеспокоенно завертел головой в разные стороны. Лицо у него сделалось совсем потерянным.

– Да что ты дергаешься?! – Сергей откинулся на спинку скамейки, подпихивая сумку еще ближе. – Бери же, ведь ты **заслужил** эти деньги.

Последняя фраза прозвучала откровенно глумливо.

– Ты сумасшедший! – Владимир вскочил, снова сел, медленно протянул руку к молнии, но тут же отдернул ее. – Открой... ты... – проговорил он, заикаясь.

– Я? – усмехнулся Сергей. – Я тебе их **дарю**, я же еще и сумку открывать должен? А может, и тратить мне их за тебя придется?

Владимир снова вскочил, но быстро совладал с собой и уселся обратно. Шок от удивления прошел, и, очевидно, он понял, что выглядит, мягко говоря, смешно. «А что, если этот сукин сын, – возникла у него в голове мысль, – именно этого и добивается? Хочет унижить меня, выставить полным идиотом, ничтожеством. Ведь он наверняка **меня** во всем обвиняет».

– Ну, знаешь!..

Он резко повернулся, рывком расстегнул молнию и осторожно заглянул внутрь. В сумке лежали доллары. В пачках. Много-много пачек. Владимир схватил одну. Проверил. Схватил другую, третью...

– Можешь не утруждать себя, это не «кукла». – Сергей достал сигарету (...*черт возьми, а ведь я ожидал от этого мудака чего-то большего...*), щелкнул зажигалкой. – Здесь ровно семь миллионов.

Он встал и, перекинув плащ через руку, зашагал прочь. В парке по-прежнему никого не было. Деревья шумели, и в шуме этом слышалось что-то триумфальное. А на улице всюду ревели машины. Отчего-то Сергей вспомнил, что именно здесь находится одно из самых оживленных мест города, но, взглянув на пустые безжизненные аллеи, он только грустно улыбнулся, снова пытаясь сравнить себя с этим всеми брошенным (преданным!..) парком. Вот она, жизнь. Жизнь во всей своей противоречивости. Глупая сказка.

Владимир нагнал его уже возле выхода.

– Но почему? – заорал он, вцепляясь ему в рукав. – Почему, черт тебя побери?!

– Почему?

Сергей, не останавливаясь, высвободил руку. Владимир семенил рядом, забегая то с правой стороны, то с левой.

– Тебе хочется знать почему? А не ты ли вместе с Басурмановым развел вокруг меня всю эту мерзость?! И ведь я вам верил... Впрочем, теперь все это не имеет значения. – Он остановился. – Я дарю тебе это, раз ты сам этого захотел. Если не жалко, можешь поделиться со своим компаньоном, я буду только рад. А жалко – оставь все себе.

– Ты свихнулся. – Владимир попятился. – Ты совершенно спятил! Теперь я понимаю, где ты пропадал последние два месяца...

Отступая задом, он поскользнулся и едва не попал под автобус.

– Псих! Придурак хренов!.. – завизжал он.

И тут Сергей начал менять тело.

Сердце сдавило, улица поплыла влево, но, прежде чем стукнуться головой о бордюр и провалиться в темноту, он успел заметить, как сумка, которой размахивал Владимир, раскрылась, и толстые, туго перепоясанные пачки посыпались на мостовую, прямо под колеса несущихся мимо машин...

...Включив кондиционер и плеснув себе в стакан еще на два пальца, он уселся обратно в кресло. Вытянув ноги, с наслаждением сделал небольшой глоток. Желтые шторы слегка заколыхались, по полу потянуло прохладой.

– Синг. – Сергей поставил стакан на столик, скрутил журнал трубочкой и принялся, словно в подзорную трубу, рассматривать своего соседа. – Тебе не надоело, Синг?

– Чего? – не отрываясь от газеты, спросил тот.

– Си-инг. – Сергей потянулся, хрустнув суставами, швырнул в него журналом. – Да брось ты свою газету, сколько можно?

Синг встал, аккуратно сложил газету и, убрав ее в специальную папку, прошелся по комнате.

– Я не понимаю тебя, – сказал он несколько раздраженно. – Что тебя не устраивает, чего ты все время цепляешься ко мне? Я тебе что, мешаю? Могу я хоть раз в свой обеденный перерыв спокойно почитать газету или нет?

– погоди, ты не понял меня... – начал было Сергей.

– Нет уж, теперь помолчи, – перебил его Синг, – теперь я говорить буду. Вот уже месяц, как тебя вселили в мой номер, и я ни разу не видел, чтобы ты ходил на работу или занимался чем-нибудь **полезным**.

– Синг, я...

– Ты пьянствуешь, валяешь дурака. Устроил из своей половины комнаты какой-то склад. Зачем все это?

– Я же не знал, что у вас здесь «коммунизм», – вяло отреагировал Сергей. – Если хочешь, я могу отнести весь этот хлам обратно или подарить кому-нибудь.

– Подарить?.. Ладно, серьезно разговаривать ты не умеешь, это твое личное дело. Со всем остальным я тоже давно смирился. Но ты можешь хоть на час оставить меня в покое?! Я хочу почитать газету. На гамльтонском нефтепроводе произошла авария, а ты мне не даешь ничего толком узнать. Это свинство, в конце-то концов!

Он остановился и топнул ногой. Сергей с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться. Смотреть на то, как Синг выходит из себя... Да, это зрелище не для слабонервных.

– Мне скучно. Понимаешь, Синг, скучно. Как ты вообще можешь читать подобную дребедень? Это же неинтересно.

– Ему скучно, ему неинтересно! – Синг всплеснул руками, снова начиная бегать из угла в угол. – Да как же тебе может быть не скучно, когда ты целый день сидишь здесь, смотришь телевизор и единственное, чем занимаешься, это пьешь! Так и свихнуться недолго.

– Недолго, – согласился Сергей, – ну а что мне еще делать?

– Что делать? Да я же тебе, по крайней мере, раз сто предлагал устроиться к нам на Завод, если ты не можешь найти ничего другого. Ведь ты напрасно убиваешь время! – Синг бросил косой взгляд на часы. – Я могу договориться, нас поставят в одну смену...

– Зачем, Синг?

– Что зачем?

– Зачем мне устраиваться на ваш долбаный Завод, чего я там не видел? Был я на заводах, ничего интересного. Так, пьянство одно.

– Ну, знаешь!.. Не хочешь на Завод, устраивайся в Оранжевую, это тоже недалеко. Будешь выращивать овощи... Но ведь должен же ты чем-нибудь заниматься!

Последнюю фразу Синг выкрикнул с таким отчаянием, что Сергею его стало по-настоящему жалко.

– Какой в этом смысл? – Он попытался говорить как можно мягче, словно разговаривал с ребенком. – Мы же с тобой каждый день обсуждаем одно и то же. Ну, какой мне резон вкалывать на вашем вонючем Заводе, или в Оранжевой, или где угодно еще, если я и так – понимаешь, **так** – могу пойти в любой магазин и взять там все, что мне захочется? Бесплатно взять! У меня же нет никакого стимула к работе.

– Не понимаю. – Синг тяжело опустился в кресло и тупо уставился в пол. – Но ведь должен же ты что-нибудь делать. Как можно брать и ничего не давать взамен? Это же...

Возникла неловкая пауза.

За слабым гудением кондиционера было слышно, как в соседнем номере кто-то неумело пытался играть на скрипке, ужасно фальшивя и при этом не в такт подвывая.

– Знаешь, Синг... – Сергей залпом выпил все, что оставалось в стакане. – Я тоже здесь много чего не понимаю. Тот мир, в котором я жил последний раз, коренным образом отличается от этого, понимаешь? – Он встал. – Ты извини, что я опять испортил тебе настроение. Я не хотел.

– Куда ты?

– Пойду прогуляюсь. Может, пойму наконец, что к чему. В Галерею зайду. Мне очень многое надо понять, Синг. Очень многое. За тем я и здесь.

Он взял со стола пачку, достал сигарету, закурил.

– Слишком поздно не приходи, – буркнул Синг, – мне сегодня пораньше надо лечь спать. И не нажираться, пожалуйста, до такого состояния, как в прошлый раз. Вино не для этого придумали.

После Галереи Сергей отправился на пруд, кормить уток.

«Господи, как же все это похоже на сон», – думал он, шагая по гранитной набережной, отламывая и кидая в воду кусочки хлебного мякиша. Ведь они противоречат не только законам мироздания, они противоречат самой человеческой природе. Это же марионетки, фанатики! Государства у них нет никакого, о деньгах они и слыхом не слыхивали. Ни армии, ни полиции, а ведь ни войн и ни преступности. Тьфу ты, чушь какая! Утопия. Самая натуральная утопия. А они живут. Работают только потому, что нельзя не работать, не воруют, потому что не понимают, что такое воровство и зачем оно нужно. И никакого начальства, все идет само собой. А он-то, дурак, в поисках какой-то там **свободы** таскается из одного мира в другой, из одного тела в следующее, а она вот она, свобода! Но неужели, черт возьми, все так легко? Легко и глупо...

Он остановился и, широко размахнувшись, закинул остатки хлебного батона далеко в воду. И тут... до него дошло!

Развернувшись, он почти бегом бросился обратно в гостиницу. Только бы успеть. Эх, Синг, Синг...

Придя вечером с работы, Синг обнаружил на столе записку. Написано было неровно, словно второпях. А в самом конце надпись как-то странно обрывалась:

Бедный Синг, это как шахматы!

Шахматы без черных фигур и клеток. У вас просто нет выбора. И точки опоры тоже нет... Понимаешь?! Едва ли. Мне тебя жаль. Чисто по-человечески жаль, ты хороший парень...

Дальше шла неровная загогулина, от последнего слова к нижнему правому углу страницы.

– Что же это такое? – Синг недоуменно повертел листок в руках и уставился на неподвижное тело в углу. – Что ты имеешь в виду?

Ему никто не ответил...

...Первым из кабинета вылетел Балабанов. Красный, с перекошенным лицом, он пробежал через приемную и скрылся за портьерой. Следом за ним показался Навуфеев.

– Всё, – пискнул он, – подаю рапорт...

И, ни на кого не глядя, нырнул в ту же щель, что и Балабанов.

Ожидающие переглянулись, но никто не проронил ни слова. В наступившей тишине прогремел голос командора, усиленный в несколько раз мощным репродуктором, прикрепленным над дверью:

– Следующий!

Сергей поднялся.

– Ни пуха, – пихнул его в бок Степанцов и тут же опустил глаза, словно и не говорил ничего.

Сергей откашлялся, переложил папку в левую руку и, тряхнув головой, решительно шагнул внутрь. Кабинет оказался гораздо больших размеров, чем это можно было предположить. По правую сторону тянулись книжные стеллажи, слева – три огромных окна, полуприкрытых бронированными жалюзи. Командор восседал за большим Т-образным столом, выглядывая из-за него, словно солдат из окопа. За спиной у него помещался государственный флаг, а рядом, под стеклянным колпаком, лежало что-то очень похожее на старую фронтовую каску.

– Садитесь, – хмуро предложил он.

Командор оказался сухим и сморщенным. Совсем не таким, каким его изображали плакаты на улицах и картины в казармах.

– Благодарю вас. – Сергей кивнул, пересек комнату и уселся на предложенный ему стул.

Несколько минут помолчали. Сергей с нескрываемым любопытством рассматривал командора, а тот, насупившись и барабанил по столу пальцами, изучал какие-то документы.

– Ну, – сказал он наконец, откладывая бумаги в сторону и удостаивая своего собеседника взглядом, – с чем вы ко мне? Только быстрее, коротко и по существу.

– Коротко и по существу, – согласился Сергей. – Лейтенант Кононов. Коричневый легион. Цель моего визита мне неизвестна. Направлен распорядителем третьего корпуса, капитаном Бронксом. – Он встал, щелкнул каблуками и уселся на место. – Жду ваших распоряжений.

– Бронксом, Бронксом... – словно что-то припоминая, повторил командор. – Это тот, что... Ах да!

Он кивнул. Выбравшись из-за стола, подковылял к окну.

«Э-э, – отметил про себя Сергей, – да это же совсем старик! И ничего в нем нет героического, ничего грозного. Ну и дела...»

– Значит, вы тот самый лейтенант, чья рота штурмовала Пегрон и кто собственноручно захватил в плен генерала Уэшбера?

– Так точно!

Сергей снова вскочил, по-удалецки щелкая каблуками.

– Да вы сидите, сидите, – очень даже миролюбиво сказал командор, – не на плацу.

Сергей покорно опустил на место. Помолчали еще немного.

– И это вы, насколько мне известно, так нагло высказывали свои измышления о **свободе личности** в присутствии командующего третьим округом майора Зверева и ефрейтора Халупы?

– Виноват?.. – Сергей изобразил на лице недоумение.

– Да вы не прикидывайтесь, мне известен весь ваш разговор до последнего слова. – Командор развернулся, буравя Сергея пристальным взглядом. Вернувшись обратно за стол, он достал папиросу. – Впрочем, к делу это не относится. Я вызвал вас совсем по другому поводу.

Он закурил, откинулся на спинку кресла и некоторое время молча наблюдал за тоненькой вертялкой голубой стружкой.

«Кажется, влип, – подумал Сергей, – теперь-то точно турнут меня на передовую. На этот раз не отмажешься».

– При штурме Пегрона вы проявили верх героизма и зарекомендовали себя самым наилучшим образом. Хотя, с другой стороны... Эти ваши разговорчики... – Он прищурился и, скривив губы, покачал головой. – Впрочем, учитывая ваши боевые заслуги, вашу верность присяге и неукоснительное соблюдение устава, я, **несмотря ни на что**, – он особенно выделил эту фразу, – решил перевести вас из действующей армии и включить в число солдат, занимающихся патрулированием Белого Павильона...

У Сергея отлегло от сердца. «Господи, боже ты мой, – подумал он, – ну и напугал же ты меня, старый пердун».

– Приказ о вашем переводе и зачислении в штат охранного корпуса уже готов. С завтрашнего утра вы поступаете под непосредственное командование капитана Трухина.

– Служу! Великому!! Легиону!!! – проорал Сергей, вскакивая и вытягиваясь по струнке. – Разрешите идти?

– Идите, – снисходительно хмыкнул командор.

Сергей подхватил свою папку и торжественным шагом, как предписывал в подобных случаях «Кодекс Чести», направился к выходу. «Ах ты, старая скотина, – ликовал внутри него кто-то, – что же ты мне с самого-то начала мозги канифолил?!»

– Да, и еще, – окликнул его командор, когда Сергей уже почти схватился за дверную ручку. – Запомните хорошенько, это возвращаясь к вашим измышлизмам по поводу свободы... Свободен может быть лишь тот, в чьих руках сосредоточена **сила**. А сила в данном случае находится у меня. Я надеюсь, вы меня правильно поняли, офицер?

– Так точно, – кивнул Сергей и поспешил выйти из кабинета.

Он надеялся, что командор не успел заметить перемену, происшедшую в выражении его лица.

– О-хо-хо... – пробормотал он в приемной, бегом устремляясь к выходу.

Ему совсем не хотелось встречаться в эту минуту взглядом со Степанцовым.

Ночью в казарме он долго не мог заснуть. С одной стороны, как будто все обошлось, но с другой... Вечером разнесся слух, что ефрейтор Халупа разжалован и отправлен рядовым в заградительный батальон. Что приключилось со Зверевым, Сергей не знал, но смутно догадывался. Разговор с командором не давал ему покоя. Он ворочался с боку на бок. Зачисление в патрульный отряд, конечно, престижно, однако... Командор совершенно ясно и недвусмысленно давал понять, что еще хотя бы одна провинность, еще хотя бы одно неосторожное слово, и... Ладно, если просто разжалуют, как Халупу, а что, если нет?..

«...Свободен тот, в чьих руках сосредоточена **сила**...»

Сергей откинул одеяло и сел, поставив ноги на холодный пол. Вот сволочь! Да ведь эта старая дряблая задница на полном серьезе считает себя Господом Богом, которому все дозволено и все подвластно. Сергею вспомнились еще одни слова, сказанные гораздо раньше, когда Великий Легион только начинал свое триумфальное шествие: «...один Я имею право решать, какой народ будет существовать на свете, а какой должен быть истреблен!...»

«Ну уж нет, – он принялся одеваться, – на этот раз ты задел мое самое больное место. Значит, ты сильный, ты **свободный**, а мы так... Ну, погоди, я тебе покажу, какой ты сильный!...»

Когда в казармах протрубили подъем, Сергей был в полном обмундировании и находился все в той же приемной. Примерно через час щелкнул дверной замок, а черный громкоговоритель над дверью прохрипел: «Войдите». Твердым шагом Сергей вошел в кабинет.

Сначала командор даже не взглянул на него, но когда он представился, тот удивленно вскинул брови:

– Вы? Хм... и что же вам нужно?

По лицу его скользнула легкая тень.

– Донесение от капитана Трухина.

Командор изобразил кислую улыбку. Щелкнув каблуками, Сергей подошел к столу.

– Впрочем, к делу это не относится, – продолжил он уже совсем другим голосом. – Как один из ваших охранников, с сегодняшнего утра я не подлежу ни личному обыску, ни сдаче оружия, поднимаясь в ваш кабинет. Спасибо.

Одним движением смахнув здоровенную стопку бумаги, он уселся **прямо на командорский стол**.

– Что-о?! – взревел командор, не веря собственным глазам. – Да ты понимаешь, что я с тобой сделаю?!

– Понимаю. – Сергей поставил перед ним ручную гранату. – А вот объяснительная. – И положил рядом металлическое колечко.

На мгновение командор застыл, словно бы отказываясь верить в реальность происходящего, затем сипло завизжал и попытался нырнуть куда-то вниз.

– Ну, – спросил Сергей, вытаскивая его за шиворот обратно и брякая лицом о крышку стола рядом с шипящей и дымящейся гранатой, – что ты теперь скажешь? Свобода есть сила, или...

Договорить ему не дали. Последнее, что он увидел, это распахнувшуюся дверь и вбегающего в кабинет майора с тремя вооруженными пехотинцами. Затем сработал детонатор...

...Они сидели на холме, потягивая холодное пиво. Рабочий день закончился, Котлован остался внизу. Пришло время отдохнуть и расслабиться.

– Устал я от всего этого, – сказал Сергей. – Честное слово, хоть в петлю лезь. Только и это не поможет. Лимит, брат, лимит.

– Ты о чем? – поинтересовался Степан Игнатьевич, открывая вторую банку. – Про работу или так, об этих своих... «пертурбациях»?

Он хихикнул, довольный, что сумел вернуть забавное словечко.

– Да обо всем, Игнатьич. И о том и об этом. Тошно мне, понимаешь? Тошно. Свободы хочу, а свободы нету. Ни там, ни тут, нигде!

– Постой, – Степан Игнатьевич отхлебнул и, сладко зажмурившись, почмокал губами, – а чем тебе у нас-то плохо? Кто здесь тебя ущемляет? Командира над тобой никакого нет, на мнения твои тоже никто посягать не собирается. Права у всех одинаковые. Чем не свобода? Не согласен ты с чем-то, не устраивает тебя что-то, так говори об этом открыто. Борись, отстаивай свою точку зрения. Правительство-то выбираем **мы**, а значит, от нас все и зависит. Разве не так?

Он сделал еще один большой глоток и удовлетворенно хмыкнул.

– Нет, Игнатьич, не так. Кто это «мы»? Ты, я?.. То, что решается у вас здесь всё при помощи референдума, так это еще далеко не свобода, понимаешь? Взять хотя бы этот проклятый Котлован. Тридцать процентов проголосовали против, десять вообще на голосование не явились, ну и что с того? А работают все! Большинство решило, и точка. Большинство всегда право. Безличное большинство – распорядитель, а ты, жалкий индивид, никто. Козьявка! Хочешь жить, подчиняйся большинству, а не хочешь подчиняться, оно тебя заставит. Растопчет, выкинет вон! – Сергей встал. Смяв пустую жестянку, он размахнулся и швырнул ее далеко вниз. – Да и это не все. Большинство само по себе ничего не решает. Оно только выбирает тех, кто им будет командовать, кто станет составлять законы, следить за их исполнением. А откуда простому смертному знать, за кого он голосует, кого выбирает на эту должность?

– Но как же, – Степан Игнатьевич развел руками, – а телевизор, а газеты? Вот оно всё, на виду!

– Дураки на виду, – буркнул Сергей, – а хитрые и пронирливые прекрасно понимают, что спекулировать на страстях и нуждах не так-то сложно. Тем более когда под рукой находится такой мощный инструмент, как СМИ («Средство Манипулирования Идиотами»).... Нет, – сказал он, немного помолчав, – даже если бы у вас все решало большинство, то и тогда ваша система была бы системой диктата. Диктата большинства. Ну, а уж то, что у вас здесь сейчас творится... Нет, Игнатьич, это не свобода. Это я даже не знаю, как и назвать.

Махнув рукой, он полез в карман за сигаретами.

– Трепач ты, Серёга. Самый натуральный трепач. Несешь какую-то ахинею, а конкретного ничего предложить не можешь. Тоже мне, личность нашлась. Мнение большинства его не устраивает. В лес вон тогда иди, в берлогу. Индивид... – Он презрительно сплюнул в траву. – Думаешь, наверное, ты умнее всех, да? А мы так, дурни темные. Пеньки с глазами!

– Эх, Игнатьич, Игнатьич, в том-то и беда, что именно **вы** являетесь большинством. Вот такие, как ты сам выразился, пеньки с глазами и являются основной массой, мнение которой всегда перевешивает. Быдломассой, мнением которой манипулируют те, кто реально захватил власть.

– Да иди ты!.. – надулся Степан Игнатьевич.

– Ладно, не обижайся. – Сергей тихонько пихнул его в бок. – Я же это не про тебя.

Вечером, ближе к полуночи, в дверь к нему позвонили. Прямо как был, с мокрой головой и намыленным подбородком, накинув на голое тело один только халат, он побежал открывать. Интересно, кого это принесло на ночь глядя?

– Кто там? – спросил он через запертую железную дверь.

– Полиция, – ответил незнакомый мужской голос. – Гражданин Кононов здесь проживает?

– Здесь, здесь... – бурчал Сергей, открывая замок.

А дальше все пошло кувыркком. В лоб ему залепили чем-то обворожительным, скорее всего резиновой дубинкой, и на некоторое время он потерял сознание, а когда очнулся, то обнаружил, что скручен по рукам и ногам, да еще и обмотан каким-то тряпьем. Двое, а может, и трое волокли его вниз по лестнице. Он было задергался и попробовал кричать, но тут же получил по ребрам и решил, что лучше не сопротивляться. Ориентироваться теперь он мог только по звукам.

Его выволокли из подъезда. Хлопнула дверца машины, и кто-то поинтересовался:

– Он?

– Ну а я откуда знаю! – ответил тот самый голос, который спрашивал через дверь. – Наверное, он, больше там никого.

Было ясно, что говорившие слегка нервничают.

– Давайте быстрее, – скомандовал первый.

Его забросили в машину, очевидно медицинский фургон, и сразу же машина сорвалась с места. «Хорошо еще, что не в багажник, – подумал Сергей, – вот было бы весело». Впрочем, весело оказалось и здесь. Водитель гнал изо всех сил, на поворотах машину заносило, и Сергей несколько раз сильно ударился головой о какую-то железяку. В голове, еще не успевшей прийти в себя от знакомства с дубинкой, загудело так, что на некоторое время он перестал слышать даже шум мотора.

Когда выехали на улицы с оживленным движением, скорость немного сбавили. Несколько раз останавливались на светофоре, и в такие минуты чья-то нога аккуратно придавливала Сергею шею.

«Нет, – пытался соображать он, – эти ребята явно не из полиции. Кто же тогда, черт побери? Может, похищение? Но с какой целью? Денег у меня все равно нет, платить выкуп за меня некому... А может, сектанты? Сатанисты или кто-нибудь в этом роде. Им понадобилась человеческая жертва, и они... Нет, слишком сложно. Да и наплевать бы им тогда было, кого и откуда брать. А эти же ясно спросили: „Кононов?“ Впрочем, моя фамилия написана на табличке. Нет, для сатанистов все равно слишком нагло...»

При выезде из города машину остановил патруль. Так, по крайней мере, решил Сергей. Он почувствовал, как на горло ему наступила все та же нога, а к затылку что-то приставили – должно быть, пистолет.

– Всё в порядке, можете ехать, – донесся приглушенный голос.

Машина тронулась, нога и пистолет исчезли. «Вот тебе и правовое государство, – усмехнулся Сергей. – У всех на глазах из собственной квартиры похищают человека, а они... Впрочем, что они могут сделать? Хм... вот вам еще один взгляд „на данную тему“. Взгляд, так сказать, изнутри...»

Как долго и в каком направлении они ехали, Сергей не знал. Машину так трясло и подбрасывало, что очень скоро он стукнулся головой все об ту же проклятую железяку достаточно сильно для того, чтобы на неопределенный срок прервать цепь своих философских рассуждений.

Когда он очнулся, веревки и тряпки с него уже сняли. Машина, действительно фургон, только не медицинский, а телевизионной службы, стояла на обочине дороги. Одна из задних дверей оказалась открыта, и Сергей заметил, что в свете другой, кажется, легковой машины стоял человек в светлом плаще и о чем-то разговаривал с парнем в спортивном костюме.

«Наверное, они ехали следом», – решил Сергей. В следующее мгновение его схватили за шиворот и, стукнув по шее, швырнули вперед. Вторую дверцу он открыл собственным лбом и, вылетев наружу, шлепнулся на песок.

– Ну? – спросил человек в плаще.

Теперь он стоял, повернувшись к Сергею, однако лица его по-прежнему не было видно.

– Вот он, – ответил кто-то – кажется, один из похитителей.

Сергея рывком поставили на ноги и, взяв за волосы, приподняли ему голову, которая сама по себе уже не держалась и стремилась все время упасть на грудь. «Ну и видок у меня, должно быть», – подумал он.

– Кто это? – брезгливо спросил человек в плаще.

– Как кто? – недоуменно ответили сзади. – Тот, кого заказывали.

– Я не знаю этого ублюдка! Кого вы ко мне притащили?! – завизжал, выходя из себя, человек в плаще. – Вы что, издеваетесь надо мной? Рыжий!

– То есть как это? Степная семья, квартира...

– Луговая семья, идиоты! Луговая... Рыжий!! (...невнятное бормотание...)

– Рыжий! – Человек в плаще указал подошедшему к нему парню на Сергея (вернее, на того, кто его держал). – Поедешь с этими и сам все устроишь. Понял?

– Будет сделано, – с готовностью ответил Рыжий.

– А с ним что? – растерянно спросили сзади и Сергея снова встряхнули.

– А вот это уже не мои проблемы! – раздраженно ответил человек в плаще. – Можете домой отпустить, а можете и до участка подбросить. Чтобы он вас, идиотов, там прямо и сдал.

Он развернулся и зашагал прочь.

– Вадик, а ведь это все ты... – наставительно начал кто-то.

Сергея снова стукнули по затылку, и что происходило дальше, он уже не слышал...

...– Смысл, собственно говоря, в том и заключается, что во всем этом нет никакого смысла, – трещал без умолку Макс. – Проповедовать мы ничего не проповедуем, морали у нас никакой нет. В этом и состоит наша **свобода**.

– В отсутствии морали? – не понял Сергей.

– Нет, в отрицании общепринятой, ханжеской морали. Что такое мораль? Это предубеждение, искусственно воздвигнутое ограничение. Глупый стереотип, догма. Наша цель – разрушить это бесполезное, давно утратившее всякий смысл строение. И начинаем мы, в отличие от некоторых, с себя. Таких, как я, не так уж и много, но и не сказать чтобы слишком мало. В общем, достаточно. Возможно, глядя на нас, люди наконец задумаются над тем, что они из себя представляют. Мы для них являемся как бы напоминанием, свежей струей воздуха в затхлом помещении.

– А в Котлован работать вы тоже не ходите?

– Нет, – Макс засмеялся, – насчет Котлована это уж как кому повезет. Сумел отвертеться – хорошо, ну а нет... Впрочем, убытку там от таких работников гораздо больше, чем пользы. Стоп! Пришли.

Посреди пустыря, поросшего беленой и редким репейником, горел небольшой костерок. Возле костра, прямо на кучах шлака, сидели несколько человек. Парень в кожаной, утыканной клепками куртке брэнчал на гитаре. Двое других его слушали. Тут же обнималась малолетняя парочка. Еще трое или четверо сидели в тени по другую сторону костра и негромко разговаривали.

– Привет. – Макс по очереди поздоровался со всеми и тоже уселся на землю. – Что-то нас сегодня маловато, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Дык пасмурно... – вяло констатировали справа.

На Сергея никто не обратил внимания. Он притулился чуть поодаль и стал наблюдать. Лохматые прически, довольно развязные манеры. Явное злоупотребление пирсингом и портвейном. На некоторых вместо нормальной обуви были надеты роликовые коньки, и как они умудрялись передвигаться на них по этому пустырю – было не очень-то понятно.

– Я вот вчера с Попугаичем на Котловане был, – растягивая слова, произнес тот же вялый голос. – Народищу-у... тьма!

– Ну и как они там? – поинтересовался кто-то.

– Шевелятся...

Продолжительная пауза.

– А про Лопнутого слышали? – (с некоторым воодушевлением).

– Говорят, его в Части забирают.

– Да ну? – (вяло и без особого интереса).

– Подруга сказала.

– Да ла-адно!.. – (очень пренебрежительно).

Снова тишина, бряньканье гитары и воркование за кустом.

– Гундяй... Гундя-ай!

– Чего тебе?

– Дай закурить.

– Отсоси у Макса.

Дружный хохот. Несложная операция по передаче сигареты с одной стороны костра на другую, затем прежняя полудрема.

Сергей еще некоторое время прислушивался к разговору, но вскоре тоже впал в какую-то прострацию. Поначалу эти молодые люди, противопоставляющие себя всем и вся, заинтересовали его. Было в них что-то такое... Какая-то особенная легкость, что ли? Непринужденность... Впрочем, это еще далеко не независимость.

Они часто разговаривали на эту тему с Максом, но чем дальше, тем больше Сергей убеждался, что всё их пренебрежение к жизни, вся их внешняя раскованность, вычурность не более чем камуфляж. Защитная реакция организма на внешние раздражители, средство не умереть со скуки. Никакими идеями, никакой принципиальностью, никакой **свободой(!)** здесь и не пахло. Стил жизни, не более того. Желание выделиться, показать свою индивидуальность...

Нет, свобода – это совсем другое. Свобода – это то, что тебя ни к чему не обязывает, благодаря чему ты оказываешься независимым не только (и не столько...) от внешних факторов, но и от внутренних, от самого себя. Что ж, отрицание морали – дело забавное, но такое ли уж необходимое? Вернее, нужно ли для этого противопоставлять себя кому-то, **подчеркивать** свою неординарность, особенность? Нет, до свободы тут еще далеко. Свободой тут даже и не пахнет. Это совсем из другой оперы...

Сергеем овладело отчаяние. По-прежнему брэнчала гитара, по-прежнему вялые и словно уставшие от жизни голоса без всякого интереса обсуждали банальные и никому не нужные вещи, по-прежнему вздыхали и охали за кустом.

– Эй, поцеры! – Он приподнялся и (...поканал на дебаркадер!..) вытащил из заднего кармана револьвер. Шестизарядный «Смит & Вессон» тридцать пятого года, подаренный ему

не так давно старым приятелем, Сашкой Тагесом, безумно любившим такие вещицы и, что говорится, знавшим в них толк. – Может, сыграем? Вам не надоела еще эта тягомотина?

Гитара смолкла, несколько пар удивленных глаз уставились на него. Сергей крутанул барабан, вытряхнул на ладонь все шесть патронов и, выбрав один, загнал его обратно.

– Посмотрим, кто у нас тут самый везучий, а? – Не глядя провернув барабан несколько раз, он предложил оружие одному из парней: – На, покажи, на что ты способен.

Парень инстинктивно протянул к револьверу руку, но тут же отдернул ее обратно:

– Ты чё, чувак! Совсем крыша поехала?

– Может, ты? – Сергей предложил револьвер другому.

– Макс, ты кого это привел?

– Что, кишка тонка? – Сергей взвел курок. – Страшно, да?

Он резким движением приставил ствол к виску и нажал на спусковой крючок. Толпа охнула, однако выстрела не последовало. Сергей рассмеялся.

– Вот видишь, – сказал он, обращаясь к Макс, – мне не повезло. Может, ты?

Макс отрицательно покачал головой.

– Что?! Тоже струхнул? – Сергей снова нажал на спуск.

– Вот черт, не мой сегодня день!

Он с остервенением сделал еще три попытки подряд, но и на этот раз револьвер молчал, упорно не желая вступать со своим хозяином в осмысленный диалог. Несколько человек сорвались с мест и бросились врассыпную.

– Ну надо же, – произнес Сергей, нажимая на спуск в шестой раз, – а говорят, дуракам должно везти...

...Он долго находился в темноте, безмолвии и невесомости. Он сознавал свое «Я», сознавал, что существует, но ничего не мог предпринять.

...**непроявленность**...

Он одновременно и был, и не был. Вернее, он – был, а ни вокруг него, ни внутри ничего не было. **Ничего!** Не было даже мыслей. Время сделалось холодным и неподвижным...

...Первым начал возвращаться слух. Негромкое жужжание, странный шелест и то ли завывание ветра, то ли отдаленный плеск волн. Потом он почувствовал, как ноги его коснулись чего-то твердого. Возвратилась привычная тяжесть, однако теперь она оказалась намного меньше обычного. В голове засуетились мысли, а перед глазами замелькали разноцветные огоньки. Темнота немного рассеялась, и он обнаружил, что находится посреди громадного зала. Площадку, на которой он стоял, со всех сторон обступали колонны. Последним вернулось ощущение своей Истинной Личности.

– Приветствую тебя, Живая Искра, – услышал он за своей спиной насмешливый голос.

Бахур обернулся. На него смотрел проводник. В поношенном пестром балахоне, он стоял, привалившись спиной к одной из колонн, и небрежно поигрывал кадудеем.

– Кокаб?! – Бахур не верил собственным глазам.

– Да-да. – Проводник отклеился от колонны и, все так же поигрывая кадудеем, стал приближаться. – Твой персональный психопомп. Ты действительно **здесь**, можешь не сомневаться и не удивляться этому.

Двигался он не по прямой, а описывая вокруг Бахура концентрические круги, с каждым разом подбираясь все ближе и ближе.

– Но почему? – Бахур поворачивался, стоя на месте, стараясь все время следовать за проводником взглядом.

– Вопросы не сюда, я здесь всего лишь проводник. – Кокаб наконец закончил свою спираль, остановился прямо перед Бахуром и дотронулся до его лба и груди жезлом. – Пошли, я провожу тебя к лодочнику.

Долго петляли среди колонн, потом поднимались по каким-то ступеням. Блуждали по каменному **Лабиринту**. Затем снова оказались среди колонн и снова поднимались по лестнице.

– Я веду тебя кратчайшим путем, – пояснил Кокаб.

– Что же все-таки случилось? – продолжал допытываться Бахур, не на шутку обеспокоенный происходящим. – Можешь ты хотя бы намекнуть?

– Ты начал слишком злоупотреблять знанием Вечного, – нехотя ответил Кокаб.

– Самоубийства?!

– Да. Последнее было уже седьмым среди такого сравнительно небольшого количества воплощений.

– Но мной овладело отчаяние! – воскликнул Бахур. – Ведь там нигде нет того, что я искал. Я... я просто хотел ускорить этот процесс!

– Вот-вот, об этом я и говорю. Воображаю, насколько бы нам прибавилось работы, если бы **каждый** мог сохранять память о своих предыдущих инкарнациях и не боялся бы неизвестности Смерти.

– Но ведь мне было дано **Право!**

– Да, и посмотри, как ты его использовал. Тебе была оставлена память, но ты мог бы и сам кое о чем догадаться. Есть вещи, управление которыми возложено на других, понимаешь?.. – Кокаб вдруг спохватился и замолчал. – Если тебе так важно обо всем знать, – добавил он, – спроси у Него сам. Я здесь всего лишь проводник.

– А я думал, ты мне друг, – с сожалением произнес Бахур.

– Здесь нет ни друзей, ни врагов, – бесстрастно парировал проводник, – по крайней мере, **для нас**.

Очень скоро вышли к реке. Лодочник оказался на месте. Он дремал, облокотившись на шест и, кажется, очень обрадовался, когда увидел Кокаба.

– А, вечно юный хвастун! – воскликнул он, протирая глаза и потягиваясь. – Ну и как твоя песня? Я слышал, ты застрял на двадцать пятом куплете и дальше ни с места.

Очевидно, речь шла о каком-то давешнем споре. На Бахура лодочник даже не взглянул.

– Вот, – сказал Кокаб, передавая Бахуру маленький круглый медальон с изображением скарабея. – Отдашь ему в качестве платы.

– Как, а разве ты со мной не пойдешь?

– Нет. – Кокаб усмехнулся и кивнул на лодочника. – Дальше тебя повезет он.

– Куда направляемся? – спросил лодочник.

– За мудростью, – буркнул Бахур, забираясь в лодку.

Он швырнул медальон на доску, отвернулся и замолчал. Очень, очень ему не понравился такой прием.

– Что ж, – пробормотал лодочник, поднимая и осматривая золотой кругляш, – это как раз то, что мне надо.

– До скорого, хвастун, – кивнул он Кокабу, отталкиваясь шестом от берега. – Надеюсь, на тебя снизойдет вдохновение, и ты порадуешь нас новой песней.

– Не сомневайся в этом, Харон, – крикнул с берега проводник, – очень скоро ты сам сможешь услышать и по достоинству оценить всю ее красоту.

Плыли довольно долго, и за весь путь не было сказано ни единого слова. Лодочник откровенно игнорировал своего пассажира, а Бахуру было о чем подумать и без разговоров. Очнулся от забытья он только тогда, когда лодка зашуршала по дну и уткнулась носом в деревянную

пристань с большой красной цифрой **2** и каким-то полустершимся словом (отчетливо разобрать можно было только две первые буквы):

– Приехали, – объявил лодочник.

Бахур выпрыгнул на берег.

Обитель, как и в прошлый раз, оказалась пуста. Он обошел всю нижнюю террасу, поднялся в верхний сад и только когда пересек ручей и очутился в долине Кетер, увидел того, кого искал. Поляна, на которой стоял Всезнающий, производя руками какие-то странные манипуляции, была окружена кольцом из двенадцати молодых сосен. Бахур осторожно приблизился к ней, но шагнуть за запретную черту не решился.

– Приветствую Тебя, великий Элла, – сказал он, склоняя голову и опускаясь на одно колено.

Всезнающий ответил не сразу. Он медленно подошел к Бахуру, тронул его за плечо и знаком велел подняться на ноги.

– Ты знаешь, почему Я был вынужден приостановить тебя? – спросил он после недолгого раздумья.

Бахур кивнул.

– Твои поиски начали тебя тяготить. Семьдесят девять воплощений... *Исро*, – негромко сказал Он неизвестно откуда появившемуся «человеку», как две капли воды похожему на Него самого, – *останься вместо Меня*. – А затем, снова повернувшись к Бахуру, добавил: – *Неужели устал?*

– Ты прав, великий Элла, – ответил Бахур.

Они не спеша спускались с холма.

– Я действительно узнал более чем достаточно. Пожалуй, с меня довольно. Я знаю, быть Твоим избранныком – величайшая из наград, но прошу Тебя, Элла, избавь меня от этой тяжести.

– Если Я правильно понял, ты хочешь сказать, что не нашел на земле и тени **свободы**?

– Да, Всезнающий! В той или иной мере, но человек постоянно находится в зависимости от того, что его окружает (будь то социальное окружение или же окружающая среда). Он зависим от созданных Тобою **законов**, всеобъемлющих и неизменных. Наконец, он зависим от самого себя, от своих мыслей, желаний, импульсивных побуждений и врожденных инстинктов. Уже одно то, что бессмертный дух его заключен в тленную телесную **форму**, является величайшим проявлением несвободы. К чему продолжать мои поиски? Я сдаюсь.

– Не спеши. – Элла снисходительно улыбнулся. – То, что Я призвал тебя, еще не означает того, что Я решил пресечь твои изыскания. Просто, обладая **свободной** памятью, ты стал пренебрегать основными законами реинкарнации. Но не спеши и подумай: может быть, ты что-то упустил из виду?

– Нет, Всезнающий, на этот раз я прошу Тебя оказать мне милость. Я действительно устал и действительно мечтаю об отдыхе. Свободы для человека не существует, теперь я знаю это совершенно точно. Человек – раб по своей сути.

– Человек создан по Моему образу и подобию!

– Он подобен Тебе, но не равен.

Некоторое время шли молча. Долина Кетер осталась позади, тропинка вывела к **Озеру**.

– В большинстве миров, где ты успел побывать, – заговорил Элла, задумчиво глядя на воду, – Я оставил людям возможность творить зло. Не это ли одно из проявлений свободы? Человек свободен выбирать.

– Нет. – Бахур отвел глаза в сторону и покачал головой. Ему почему-то вспомнился Синг. Маленький несчастный Синг. – Какая же это свобода? Прости меня, Всезнающий, но когда Отец дает Сыну два яблока и говорит ему, что если он съест горькое, то его ожидает награда, если же дерзнет прикоснуться к сладкому, то будет наказан, не лишает ли он его тем самым

свободы выбора и не ставит ли в поистине ужасное положение? Свобода – это прежде всего беспристрастность...

Он не договорил. Элла вдруг разразился хохотом, от которого по спине у Бахура поползли мурашки. «Всё, – подумал он, – сейчас Он меня изничтожит. Доболтался!»

– Ты напрасно боишься, Я никогда никого не наказываю. Это делают за Меня все те же **законы**, зависимости от которых ты так страшишься. – Элла перестал смеяться, но на лице его продолжала играть улыбка. – А если быть еще более точным, то наказание себе определяет каждый **сам**. И «наказание» это служит единственной цели – преодолению заблуждения. – Он усмехнулся. – То, что ты рассказал, это прекрасная притча. Вернее, забавный анекдот. Однако дело в том, что Отец Сыну ничего не давал. Это Жена стащила у Отца со стола и отдала Мужу. По крайней мере, так написано в ваших книгах.

Бахур удивленно молчал.

– И все же ты кое-чему научился, – продолжал Элла. – Не многому, конечно, совсем не многому – ты даже не понял, что никаких «яблок» вообще нет, что это всего-навсего иллюзия, порожденная большим человеческим воображением, – но, если отставить шутки в сторону, Я думаю, ты находишься на верном пути. Так значит, ты утверждаешь, что свобода – понятие относительное?

– Да, Всезнающий. На земле свободой зовется умение использовать свою несвободу в собственных целях. Нет, поиски мои кончены. Прошу Тебя, Элла, избавь меня от дальнейшего нисхождения вниз. Мне нужен отдых.

Элла задумался. Озеро, возле которого они стояли, было выложено мерцающим черным камнем, и Бахур, усевшись с самого края, опустил ноги в воду. Всезнающего он не боялся. Да и с чего **мы** взяли, что Его нужно **бояться**? Его можно любить или ненавидеть, Ему можно преданно служить или же отрицать Его объективное бытие, однако бояться...

«Какой же я был дурак! – подумал Бахур и рассмеялся. – Это все лодочник с проводником, они меня так настроили».

– Хорошо, – заговорил наконец Элла, – если ты не желаешь продолжать поиски и хочешь покоя, Я думаю, ты его заслужил. Выбирай место.

Он сел на камень рядом с Бахуром и так же, как он, опустил ноги в прохладную воду. Похлопал его по плечу, улыбнулся. **Они были равны.**

– Долина Иахо, – выговорил тот и почувствовал, как подскочило его сердце. – Если возможно, я бы хотел попасть в священную долину Иахо.

– Что ж, Иахо так Иахо. Почему бы и нет?

– Благодарю Тебя, Элла. – Он сдержанно поклонился.

– Времени тебе будет определено до следующего Великого Дня. Однако если ты передумаешь и снова захочешь продолжить поиски, Я буду этому очень рад. Поверь Мне, рано или поздно, но это должно произойти. Ты что-то упустил из виду и должен начать все сначала.

– Еще раз благодарю Тебя, Всезнающий, – Бахур снова поклонился, – но я твердо уверен, что миссия моя закончена. Нисхождение в материю? Нет, для меня найдется дело и здесь!

Элла хитро прищурился.

– Ну, что ж, – загадочно пробормотал он, – не буду оказывать на тебя давление. Решай сам...

...Забежав за угол, Сергей бросил сумку прямо на землю и, согнувшись пополам, жадно принялся хватать ртом воздух. Сорвав с шеи галстук, он скомкал его и засунул в карман пиджака. «Кажется, оторвался! – подумал он, с опаской поглядывая на противоположную сторону улицы. – Если нет, то мне крышка. Дальше бежать все равно нету сил». Сердце стучало, как неисправный мотор. Достав из пузырька таблетку, Сергей засунул ее под язык.

– Кажется, оторвался...

Немного отдышавшись, он схватил сумку, большой сиреневый баул, и быстрым шагом направился в сторону автобусной остановки. Ну, и куда теперь? Вот бы знать! О том, чтобы возвратиться домой, не могло быть и речи. Там его, без сомнения, уже давно поджидают. На дачу тоже рискованно. Вот если только к Ольге... Нет! Он резко изменил направление и, пробежав под аркой, углубился в лабиринты дворов. К Ольге нельзя. Если с ней что-то случится, он себе этого не простит всю оставшуюся жизнь.

Оставшуюся жизнь?.. Внутри него кто-то злобно захихикал.

Поймав около гастронома такси и сунув водителю две скомканные бумажки, Сергей коротко кинул:

– В аэропорт!

Хотя, почему именно в аэропорт, он и сам не знал. Наверное, потому, что больше было некуда. Оставаться в городе бессмысленно и в некотором роде даже опасно. В аэропорту на **них**, конечно, тоже можно нарваться, однако маловероятно, чтобы за такой короткий промежуток времени **они** были в состоянии разослать людей по аэропортам и вокзалам. Не тот размах.

Откинувшись на спинку сиденья, он перевел дух и почувствовал себя в относительной безопасности. Приоткрыв на сумке молнию, Сергей с удовлетворением посмотрел на толстые зеленоватые пачки, уютно пристроившиеся одна к другой, и на какое-то мгновение даже воспрянул духом. Сколько же тут? Миллионов семь-восемь, не меньше. Господи, да с такими бабками он горы может свернуть! Вот она власть, вот она сила, вот она... **свобода!**.. Главное, уйти подальше, а там мы еще посмотрим, кто от кого будет бегать.

В аэропорту он купил билет на первый же попавшийся рейс, а оставшееся до вылета время решил употребить на то, чтобы связаться с Басурмановым и дать ему кое-какие инструкции.

– Серёга, ты?! – удивились на том конце провода. – А как же...

– Тихо, – перебил Сергей, – у меня очень мало времени.

– Но погоди, откуда ты звонишь? Ты знаешь, что **они** тебя ищут?..

– Тихо, я тебе говорю! Молчи и слушай. – Он с опаской огляделся по сторонам и шепотом засипел в трубку: – Передай Вовке, что все необходимые документы лежат у меня в сейфе. Код – номер моей регистрационной карты. Он знает. Что надо делать, думаю, сообразите сами. Деньги у меня, вернусь через неделю-другую.

– Погоди, – заволновался Басурманов, и даже по голосу было ясно, как ему стало не по себе. – А что, если **они** на нас выйдут? Ты с ума сошел! Надо срочно...

– Никто на вас не выйдет. Документы в сейфе, код от сейфа на моей карте. Всё! Вызывайте оркестр, готовьте шампанское.

– Что ты задумал?

– Лучше тебе этого не знать.

– А если...

– Передай Вовке все, что я тебе велел, но лишнего не болтай.

И, не дожидаясь ответа, Сергей повесил трубку.

Когда самолет набрал высоту и город остался внизу, Сергей уже спал. С наслаждением вытянувшись в мягком кресле, убаюканный мерным гулом турбин, он совсем забыл о погоне и видел во сне то, как он вернется назад, как станет наконец президентом фирмы. А Вовка с Басурмановым... Что ж, на них можно положиться. Главное, что деньги теперь у него. А деньги, как известно, решают всё. Деньги – это сила, это власть. А там, где власть, там и **свобода**. Это уж наверняка.

Сергей спал спокойно. Время менять тело еще не пришло...

1995 г.

Татьяна Богомолова

Писатель и публицист, член Российского союза писателей, Союза писателей Северной Америки. Автор публицистических книг, а также сборника очерков «Не достанет мне времени повествовать...», романа-трилогии «Сведуице», повести «Уносимые», сборника эссе «Национальные особенности россиян», сборника новелл «Сюрпризы». Т. Богомолова пишет о дружбе между людьми, любви супругов в традиционной семье, о справедливости и мире между народами, добре и о путях выхода из зла. Писатель создаёт художественные произведения на любовные сюжеты, повествуя о неординарных историях, происходящих как с мужчинами, так и с женщинами. Читатели не только получают удовольствие от легко читаемых текстов автора, но и приобретают новый взгляд на важные аспекты нашей жизни.

В потоке новелла

Он подошёл ко мне внезапно, но логично ожидаемо. Заговорил, поглядев пронзительно:

– Что же случилось? Тебе со Мною не понравилось?

Подумав, я ответила взволнованно, умеряя дрожь в груди:

– Очень полюбила Тебя! Не забываю ни на день американских горок с Тобой: до сих пор не отдышалась. Не бойся: готовлю себя – к новым.

– Не вижу этого: ты начала нелепости тв́арить, – растянув первый слог и делая на нём ударение, спокойно произнёс Он. – Мы хорошо ладили с тобой в Потоке. Наша дружба крепла и росла, а потом...

Он умолк, однако вскоре с вызовом, но сочувственно взглянул и продышал звенящим шёпотом ко мне. Жаром вдруг меня обдало от осязаемых слов:

– Ведь ты мечтала продолжать доносить свои моменты озарений и просветлений до большого количества людей так, чтоб их цепляло, завораживало и полностью уносило хотя бы в ручеек или речушку Вселенского Потока истин и парадигм...

Я перебила Его, догадываясь, чем Он продолжит, промолвив жалобно, но начав с криком, закончила речь спокойно:

– Да, я летала с Тобой, плавала! Всё это было восхитительно, чудесно! Но я всего лишь душа в теле, а Ты – дух. Ещё не догоняю я всего... Прости. Меня ещё влечёт простое. Да, знала я умом, что Вселенная востребовала много пловцов, коим щедро дарит от своего Потока. Одним способность, чтоб плыть в лодке, яхте, пароходике капитаном, имеющим компас, знающим куда плыть, другим – чтоб просто радоваться воде Жизни, заходя в неё по пояс, по колено самостоятельно, третьим – восходить на судна сведущих людей. И я открылась этому и разумом, и в чувствах. Но кто я – дух или душа? Вот в чём вопрос. Они между собою борются порой, и я не понимаю, бывает, Тебя.

Он иронично, но сочувственно произнёс:

– Раздвоение? Нет. Ведь знаешь, что ты – душа и дух в теле. Но ты привыкла жить душой, пользуясь разумом, чувствами, эмоциями реагируя на разное, в суете. Но Я пришёл, чтоб жить с тобой едино, чтоб неразрывно мы сплелись, чтоб ты парила в Высях. Иль, может, кто другой тебя заводит, вдохновляет ныне? На что-то, чему ещё не время?

– Ты и сам всё знаешь. Что мне таиться? Нет у меня учителей, ни вдохновителей. Лишь из Потока черпала я всегда, даже не ведая ничего ранее о том.

– Зачем ты спряталась тогда? Зачем оставила желание сотворить реку?

– Хочу признания какого-то, равнозначного глубине...

– Зачем тебе это? Тщеславие? Ты опустила для кого-то и планку поменяла? Почему? Размениваешь время, силы на что? Об этом жаждала ль ты прежде? Ты искала Поток и Иной мир. И вот: Небес беспределье тебя услышало, обратило внимание на твой зов, доверило тебе славное, Меня послало к тебе. Что же с тобой?

– Ты помнишь всё. Это был рывок в неизвестное. Впервые тогда полностью пошла под Водопад, отвергнув страх, лень, даже другие планы. И тогда узнала о Тайнственном Потоке для всех желающих стать капитанами для прокладывания рек, речушек. И не корпела более, как это было со мной ранее, а как будто плыла легко и радостно, играючи и замечательно.

– Так продолжай дальше! В чём проблема? Я не оставил тебя. И всегда жду, когда пожелаешь – Я понесу тебя снова к Высям. Но решишь оторваться от опор земных и лишь моим советам внимай. Тебя готов относить к Водопаду.

– Всё так. Я разумею Тебя: мы с Тобой слиты. И без тебя я – ноль, земной прах. Но не желаю ещё! Изнемогаю от мысли, что мне снова нужно будет лететь с Тобой к Поток, оставив

тело и суету земную. Мне непривычно это. Слишком я практична: мне нужно видеть быстро результат.

– Кто-то заводит тебя всё же? Кто тот мотор, который тебя покатило по бездорожью от узкой колеи?

– Но я осталась прежнею! Не изменила целям я! За что же нападаешь на меня? Уверена, что правильно прожитая людьми земная жизнь помогает их бессмертным душам беспрепятственно войти в ту Сферу Вечности, где ни червь, ни моль, ни ржа и никакие воры никогда не способны отнять новое Бытие душ просветлённых. Верю, что достигшие тех Высот, кои доступны всем желающим, пребывают в Счастье, о котором бредили, мечтали, фантазировали лучшие мыслители и творцы всех поколений людей... Только не оставляй меня!

– Я не оставляю, – спокойно возразил Мудрость. – Но ты и сама стремишься чаще покидать зону комфорта, лени, лёгкую жизнь, и проводи время со Мною. Тогда мы будем слиты на самом деле, а не в твоих словах.

Мы помолчали... Прервал напряженье тишины Он:

– Потянул тебя мирок пустот, лжеценностей. Но я влеку тебя к Иным, в другие Дали, чтобы однажды навсегда тебе уйти в ту Сферу. Ещё не забыла?

– Оо-о-о! Как это забыть?! Ради неё всё отвергла в тот период, реальность смутно видела, ею тяготилась. Но каждый день ждала, когда отправиться с Тобой к Поток и жадно пить от него. И близкие меня не узнавали.

– И разве мучилась ты?

– О нет! Летела я, плыла! Включала комп, открывала файл и уносила в сон наяву: всё, что узрела у Потока, что услышала, торопилась запечатлеть на листе бумаги в моём экране. И близким не могла заранее сказать, как я продолжу далее, что будет, что скажет тот или другой...

– Ты говоришь – устала? В чём была трудность? Только лишь в том, чтоб жить на два мира. А ты попробуй жить одним.

– Ты прав: никто меня не гнал, сама хотела быстро всё узнать и завершить повествование. Дверь в Поток открывалась по моему желанию, манила войти вновь, вбрасывая в меня первые строки, почти дни каждые. Меня как будто ждали, когда я брала перерыв, перечитывала, осмысливая всё изложенное. И я реально понимала, что с каждой главой не только излагала то, что созвучно знаниям, понятиям, но непременно училась новому, о чём до того имела смутное, не совсем точное осознание.

– Итак, когда продолжим?

– Вернуться?

– Тебе решать. Что скажешь?

Я взглянула вверх, чтобы увидеть выражение Его лица, но никого не узрела. И тем не менее сказала вслух:

– Мне снова жаждет войти и плыть в Таинственном Потоке том, вытаскивая из него реку или речушку – что это было, точно скажут не земные, а Иные. Но потом, когда-то. Я вовлекалась с невероятной прежде для себя скоростью в новый мир. Я захожу не как в мощный Водопад, в котором надо уметь работать вёслами, чтоб оторваться от земли. Но потихонечку плыву, сама регулируя период появления в нём. Вероятно, Водопад помог всё-таки выловить и вытащить из него новое русло, кое мне и надо дальше углублять, формировать: готовить для пловцов или других судёнышек.

Стояла звенящая тишина вакуума, но я продолжила громче, словно стараясь сотворить её живой:

– А ныне просто мне легко в сознании того, что более мне не надо пахать, как ремесленнику, а всего лишь видеть свой Водопад или снова войти в тот Поток, держа в сердце пропуск Жажды. И, облекшись в чистые Помыслы, спокойно или интенсивно плыть, прокладывая путь

другим ищущим, жаждущим, поверившим мне или самим узревшим тот Поток... Но ещё не имеющим сил туда добраться без моего судна.

Вдруг я увидела группу из людей, всё увеличивающуюся, растущую на моих глазах, потом как будто удаляющуюся, при этом странно умножающуюся всё быстрее. Казалось, они вдумчиво глядели на меня и ждали. Я крикнула им:

– Я счастлива! Никто не может этого у меня отнять, оно ведь не от мира сего. И я влеку вас: плывите же со мной под тот Водопад... или без меня! Там славно!

За толпой стоял Мудрость и, улыбаясь, кивал мне. Во мне возникла жажда вновь увидеть или ощутить Водопад. Она нарастала. И вдруг включился как будто фонтан, озарённый Светом. И стала растворяться в нём, сливаясь с волной, влекомой к Водопаду...

Светлана Бугримова

Почти четверть века живёт в США, в славном городе Нью-Йорке, но свою связь с Россией и чувства любви к месту, где она родилась 12 апреля 1964 года, не потеряла. Так и обитает между разными мирами, всё больше понимая, как же мала и одинока со своей уникальной жизнью в космосе наша голубая планета Земля.

И, постоянно вдохновляясь красотой этой жизни, отражает это в своих творческих работах и произведениях. А это и стихи на русском и английском языках, сказки и басни для детей и взрослых. Это коллажные работы, фотография и цифровое искусство, а также создание творческих международных проектов, основателем и спонсором которых является Лана Бьюри (Lana B'uri – творческий псевдоним автора), в них дети и взрослые иллюстрируют её литературные работы.

Свои произведения пишет и публикует с 2004 года, проводя на основе своего творчества мероприятия (www.focusonbeautyus.com, www.justonelittlestarproject.com).

Что касается художественных работ – автор устраивала персональные выставки в США, России и Украине, заочно участвовала в международных конкурсах и выставках, дипломант и лауреат многих из них. Весной (а затем и осенью) 2021 года в конкурсе АЕА (Art Excellence Awards), организованном в России Международной Академией Современного Искусства, Лана стала лауреатом и дипломантом сразу в нескольких номинациях – и с художественными работами, и с литературными.

В 2021 году принята в МАСИ.

Состоит в Пушкинском обществе Америки, в СПСА (Союзе писателей Северной Америки), является кандидатом в члены ИСП (Интернационального Союза писателей).

Особое место в творчестве Светланы занимают детские проекты.

Chicken soup for the soul (Куриный суп для души)

На плите в небольшой кастрюле варился куриный супчик.

Так, ничего особенного: пара куриных ляжек, картошечка, порезанная кубиками, небольшая головка лука целиком (чтоб было легче выбросить по окончании варки), несколько кусочков ярко-оранжевой моркови и совсем немного макарон в виде маленьких ракушек. Соль уже была добавлена, и перец чёрный посыпан, а зелень ещё нет (зелень шла в самом конце, для сохранения её полезности).

Вроде ничего особенного, но чудесный запах распространялся по всему дому – запах уюта и семейной гармонии. Суп кипел медленно, на слабом огне, и пар вырывался через небольшое отверстие в крышке, что накрывала кастрюлю.

«Ещё немного, и суп будет готов. Chicken soup for the soul...» – миловидная женщина приоткрыла крышку, наслаждаясь видом и запахом блюда, которое она готовила для своей небольшой семьи.

«Лишь бы вовремя выключить не забыла, чтоб макароны не очень разварились», – подумал суп, слегка возмущаясь её вмешательством в процесс.

Из соседней комнаты раздался мужской голос:

– Дорогая, есть скоро будем? Я голоден как волк.

– Сейчас-сейчас. Суп на подходе, – с улыбкой ответила женщина. – Только зелень кину, и можем есть. Мой руки и ставь тарелки на стол.

Как хорошо иметь собаку! **(Зарисовка на океане у Фаракуэй)**

Как хорошо иметь собаку! Идёшь с ней по берегу, у самой кромки воды. Волны пенятся, океан шумит, ветер бьётся... А вам с собакой всё равно. Вы себе идёте вперёд, вроде как в никуда, и жизни радуетесь и дружбе вашей неразлучной.

Вам обоим очень уютно в вашем недосыгаемом измерении. И вообще этим ранним утром выходного дня вы вдвоём одни в целом мире. Но вам совсем не страшно: ведь вы есть друг у друга. Вы всегда поймёте один другого и поддержите искренне, без всяких слов.

Вы идёте уверенным шагом, собака радостно бежит рядом, а чайки срываются с мест и взлетают облаками в небо, освобождая вам путь. А вам ещё веселее становится. И вы уверены на сто процентов, что жизнь – очень хорошая штука.

Смакую жизнь

Я в Сохо – месте, что больше всего пострадало во время недавних беспорядков в городе. Ещё до сих пор заколочены фанерой витрины большинства магазинов. Я в общем-то и приехала посмотреть на творчество художников, взявшихся разрисовать эти безликие доски. Но пока ничего интересного не увидела, кроме BLM, уродливых физиономий и непонятно к чему зовущих лозунгов. А ещё весь город разрисован огромными разноцветными сердечками.

Зато я обнаружила совсем случайно Клондайк. Магазин Bloomingdale's в Сохо открыт. Я нашла на распродаже чудесные серёжки. И кафетерий на втором этаже, где купила их знаменитый замороженный йогурт.

И вот я сидела в симпатичном кафе и смаковала вкуснейший шоколадный и кофейный йогурт с миндальными орешками. Так было хорошо находиться в красоте, наблюдая за солнечными бликами через высокие окна, – впервые за несколько долгих месяцев изоляции и страхов пандемии...

«Неужели чудесная жизнь с её разнообразными вкусами и красками возвращается назад?» – думала я с надеждой.

Вечером я пересмотрела сделанные фотографии. Честно говоря, мне понравилось, что я увидела. Город выглядел по-другому, у него появилось новое лицо. Но в этом чувствовалась сила и возможность обновления жизни.

Что ж, посмотрим... Возможно, жизнь, развиваясь, должна соединять старое и свежее в новую картину, в обновлённую реальность. И тогда появится возможность попробовать её новый вкус.

В этом и весь smak жизни – она не любит приедаться.

Сказка о маленьком семечке. История Жизни и Любви

Жило-было одно семечко. Маленькое, гладенькое, вполне симпатичное. Но очень крохотное и незначительное.

О своём происхождении семечко ничего не знало. Кто были родители, откуда пришло и куда направляется – тоже представления не имело. И в чём смысл его появления в реальности – тоже не осознавало. Так и лежало в керамической тарелке на подоконнике в полном неведении насчёт своей судьбы.

Иногда семечко переживало и с грустью думало: «А вдруг я просто перестану **быть** из-за своей незначительности? И никто даже не заметит, что я здесь вообще когда-то появляюсь!»

Но потом внутренний голос ему говорил: «Ничто не возникает напрасно. У всего есть свое предназначение. Наберись терпения и жди своего момента!»

Так разговаривала с ним Надежда.

И вот однажды налетел ветер-озорник и распахнул рывком створки окна.

– Ветер! Возьми меня с собой в путешествие. Может, я найду свою судьбу! – взмолилось семечко.

– Ну что ж, держись! – прошумел ветер и сорвал маленькое семечко с места.

– Ой, ой! – завопило семечко от страха и восхищения. – Какой же ты сильный! Лечу!..

Ветер ещё поиграл с семечком, бросая его силой своих потоков то влево, то вправо. Но суть ветра переменчива, и маленькое семечко не смогло надолго удержать его внимание. Ему наскучила игра, и он отпустил кроху:

– Ты хотело свободы и испытать себя в жизни? Вот она! Наслаждайся-я-я!

И семечко упало вниз, больно ударившись о твёрдую землю.

Наступила ночь. Семечко лежало на холодной земле в полном одиночестве. «На этом и закончится моё неудавшееся приключение? – с горечью подумало семечко. – Так хочется плакать... Какое же я несчастное!»

Но что-то внутри подсказывало: «Это ещё не конец. Тыуже близко к цели! Наберись терпения и жди! Всё будет хорошо!»

Так родилась Вера.

К утру пошел проливной дождь и вмешал семечко в грязь.

А утром пригрело солнце и стало палить так, что семечко, забитое дождём в землю, начало задыхаться: «Ах, я погибаю!»

Но процесс распада так его захватил, что семечко уже не могло осознавать происходящего, лишь чувствовало в себе наличие непонятной движущей и очень заботливой силы, которая не оставляла его в одиночестве ни на миг. И оно отдалось этой силе в полном Доверии.

Так родилась Любовь.

Прошло несколько дней, и на месте, где упало маленькое семечко, вырос прекрасный и нежный голубой цветок.

– Ах, какой прекрасный цветок! Даже жаль на него садиться! – Бабочка пролетела мимо, взмахивая огромными цветными крыльями, как опахалом. – Да. Слишком тонкий стебелёк. Не выдерж-ж-жит, если я сяду на цветок...

Пролетел и покружился над цветком, словно вертолёт, жук. Много ещё чего происходило вокруг. А сколько было солнца и света – не описать! Цветок, который раньше был семечком, смотрел куда-то вверх с Благодарностью...

Но всё же внутри него зародилась непонятная тоска. Хотя её вполне можно было объяснить – ведь все знают, что Счастье не вечно.

– Наверное, скоро настанет день, и я умру... – произнёс цветок вслух. – Ах, как жаль! Жизнь так прекрасна!

– А ты не переживай! – На ветке неподалёку сидела красивая голубая птица. – Ничто не исчезает бесследно. Всё находит новое продолжение. У тебя появятся дети, новые семена. Их будет много, целое поле – голубое и прекрасное. Тебе помогут ветер, дождь и солнце, а птицы разнесут твои семена и дадут им новую почву для продолжения жизни. И в один прекрасный день священник наденет одежды, сотканые из волокон твоих потомков-наследников, и будет в них молиться за судьбу мира. Это я знаю точно. Я везде летаю и много чего видела и слышала...

И маленький одинокий цветок увидел Перспективу своего существования.

Так родилась Мечта о будущем.

Жизнь не переставала быть, а смерть обрела другой смысл. «Да, ничто не возникает ниоткуда и не исчезает в никуда!» – цветок улыбнулся со вздохом облегчения, глядя на розовое заходящее солнце.

Мир шёл отдыхать, чтобы завтра начать новый день, новый цикл жизни.

Она

*Посвящается моей подруге Р. Я., непревзойдённому мастеру
создания прекрасной земной реальности*

Она шла по улочкам красивого старинного городка. Красавица. Богиня.

Городок был пуст. Люди во время карантина привыкли прятаться по домам и выскакивать наружу только по нужде. Да и кому охота умирать от ещё неизученного вируса, который постоянно мутирует и убивает сотни тысяч по всей планете?.. Страх, животный страх в буквальном смысле загонял всех по норам.

А она медленно двигалась по улицам, залитым солнцем, словно этот кошмар её и вовсе не касался. Инопланетянка в каком-то непроницаемом и не видимом обычному глазу коконе, скафандре. Длинные светлые волосы переливались золотом в солнечных лучах. Карие глаза отражали внешний свет, но и были наполнены им изнутри. В ней соединились два света, став единым потоком. Душа её пела, как утренняя птичка, и радовалась беззаботно жизни.

Люди выглядывали из окон домов. Уже как-то и привыкли, что она бродит в своих сногшибательных нарядах по городу каждый день. Красила своим ярким присутствием тихие пустынные улицы, словно заморская экзотическая птица в ярком оперении.

Но и раздражала одновременно: «Чего бродит, выпячивается?.. Круче всех, что ли?.. Вот подцепит вирус – и будет задыхаться на больничной койке, как обычная смертная. Тоже мне богиня!» – язвительно бубнили и шипели они, наблюдая за странницей.

Люди вообще теперь знали только два окошка во внешний мир. Окна убогих домишек, (напичканных всевозможным потенциальным мусором, который они копили долгие годы), из которых был виден только кусочек пустой улицы. И окна в мир: мониторы компьютеров, планшетов. Там они могли разгуляться на просторах Интернета по всем возможным измерениям. Они практически там и жили, в той виртуальной реальности. Работали, встречались на свиданиях, занимались сексом, путешествовали по красивейшим местам, которые уже исчезли из-за постоянных катаклизмов разного рода. Они играли в азартные игры, убивали и обманывали друг друга как могли, прячась за виртуальными масками.

Там люди могли изобразить всё, чего не могли достичь в обычной, земной реальности. На это требовалось гораздо меньше усилий. И это оказалось ещё более заразным, чем тот бесшабашный вирус, что бродил теперь по миру. Они «жили» на полную катушку.

А она просто шла по улице, купаясь в прозрачных и тёплых лучах утреннего солнца.

Мир был создан для неё в данную минуту. Солнце светило ей. В сердце всё больше росла благодарность и чувство радости от простого бытия. Она любила жизнь, и это было взаимно. Весь мир с его красотой и чудесами служил ей защитой и покрывалом от любых видов разрушения и самоуничтожения. Она была пропитана энергией созидания. Она обладала сильным иммунитетом против любых видов зла, включая неживой вирус-мутант.

И эта защита называлась Любовью.

Время – песок

Время-песок утекает сквозь пальцы,
А я всё стараюсь попасть в свой поток.
Чужой мне не нужен.
Чужим мир запружен.
Поток мой течёт между строк.

Время-песок, дай судьбой насладиться.
Проснуться бы мне,
А не сном мне забыться!
Поверить бы в счастье, другого участие.
Журавль мне мой нужен!
Какая синица?..

Время-песок, очерти круг желаний,
Дари мне восторги вместо страданий.
Ведь ты же умеешь,
Ты миром владеешь.
Дай время гнезду,
Что должно – должно! – свиться.

Важные мысли утром и вечером

Я проснулась
Как художник
И представила мечту.
Нужны краски, кисти, холст.
Воплотить её хочу.

День прошёл —
И Слава Богу,
Много шума, суеты.
Надо с мыслями собраться,
Чтобы ночью видеть сны.

Нарисована картина.
Рамка тоже вышла к ней.
И важны две эти мысли.
На них усилий не желей!

Вечерний вагон и фиолетовый цветок

В сером вагоне вечернем
Обронён чудесный цветок.
Но душам уставшим,
Мечты не познавшим,
Поднять его, видно,
Увы,
Невдомёк.

Космическим светом
И яркости цветом
Цветок разукрасил вагон.
Но душам уставшим,
Мечты не принявшим,
Вся жизнь —
Как огромный загон.

В вечернем вагоне
Цветок обронённый
Открыл мне всю суть бытия.
Мечту берегите,
С собою носите!
Сделаю то же и я.

Космический сад

А в космическом саду
Идут звёздные дожди.
Звёзды льют как из ведра,
А ты, вверх глаза подняв,
Всё смотри, смотри, смотри!

Раскрываются цветы
Под космическим лучом.
А ты, вверх лицо подняв,
Повторяй и повторяй:
«Мне беда вся нипочём!»

У меня над головой...

У меня над головой
Величавая корона,
Что из солнечных лучей.
Вы скажите, милы други,
Этот мир – он всё же
Чей-то,
Или вовсе он ничей?

Создал Кто
Той чайки крылья,
Что парит там, в вышине?
Мир возник в пространстве
Где-то,
Или он возник нигде?

Я пускаюсь в размышленье:
Так Откуда ж я пришла?
Кто я здесь, в сей час, мгновенье?
И идти потом
Куда?

Детское воспоминание

Везли рыбу на арбе
С огромными колёсами
Деревенские парнишки
С кудрявыми зачёсами.

Во дворе был костерок
С чугуном чугунным.
От ухи же шёл дымок
Вечерочком смурным.

Ой, да придумала всё я —
Кроме той ущицы
Из колодезной воды,
Что счас бы мне напиться...

Букет

Просто букет.
Просто ромашки.
Мир предназначен для
каждой букашки.
Что же тогда говорить
о тебе...

В мире есть место для
всякой природы,
Для солнца и ветра и
для непогоды.
И есть в этом мире место
и мне.

Собраны мы, как цветы —
все в букете:
Люди Земли и Божии дети.
Тела наши здесь,
А души-то – где?..

Жил на свете поэт один...

Посвящается И. Гёте

Жил на свете поэт один.
Он собирал с небес стихи.
А на Земле больше всего
Поэт любил цветы.

И вот каждый раз,
Гулять уходя,
Он набивал карман.
И было в кармане том —
Не поверишь! —
Полно всяких семян.

Стихи ловя,
Поэт исходил
 много разных троп.
И где бы ни шёл,
 семена рассыпал,
Преподав нам жизни урок.

Умер поэт, оставив стихи
Как украшение душ.
А на Земле цветы расцвели,
Что ветер разнёс,
Ведь он вездесущ.

У каждого есть в одежде
Карман.
Так в чём же тогда беда?
Пиши стихи и сажай цветы,
Пока выпьешь жизнь до дна.
И помни,
Что жизнь создавать из ничего
Каждому дар свыше дан.

Русалочка

Облако плыло нежной русалкой по небу —
Той, что когда-то изменила ход бытия;
Жизни подводной, царской, беззаботной
Отдав срок лет в три ста́,
Чтоб звёзды душою увидеть,
Ногами вступая на берег вместо хвоста.

От каждого шага пронзалось всё тело ножами.
Но принца улыбка наградой за это была.
В молчании вечном она принимала свой жребий.
Душа ей была больше жизни важна.
И принца любовь открывала ту дверь,
Где душа её новая вечно жила.

Но так уж случилось – не получилась задумка её.
У принца была другая любовь и другая судьба.
Она проиграла и пеной лишь станет.
Ведьма была права:
Любовь и жизнь на Земле – злая игра!
Уходить ей в ничто настала пора....

Спасенье пришло в неожиданном виде,
И сёстры подали ей нож из воды,
Поменяв на него свои чудесные волосы,
Лишь бы сестру свою от вечной смерти спасти.
Задача простая:
Себя защищая, пронзить нужно принца им с новой женой —
И можно в воду хвостом вниз идти,
Жизнь доживать там без суеты и никому не нужной мечты.

Вот солнце восходит.
Решение приходит —
Любовь защитит и спасти.
Нож следом кровавым режет холодную воду,
в ничто открывая пути:

Пора ей потерей огромной уйти.
А принц?..
Мирно спит он в объятьях новой жены.

И здесь превращение перешло в откровение
По Высшим законам миров:
Она растворилась, но не пеной морской,
А в Любви той, что выше слов.
Душа вознеслась над земными пластами, познав вечной
формы полёт.

Растаял нелюбви вечный лёд,
И принял её тёплым, нежным объятием
Небесных сестёр хоровод.

Мы все получаем то, что в мир посылаем —
Такие у Б-га пути.
Русалочки чистой история дивная,
Возможно, поможет вам себя обрести.

Как много в образе...

Как много в образе печали,
Как мало в образе любви...
Вороны вместо чаек прокричали
И всё прекрасное с собою унесли.

Воронам больше в мире дела нет,
Как разрывать сложившийся баланс.
И каркают, и носятся они,
Чтобы не стало в мире больше нас.

А знаешь, до весны я подожду,
Когда откроется сезон любви.
И вместо чёрных крыльев воронья
Раскроем крылья белых чаек мы.

Нежное прикосновение

Дерево стояло —
Старое, кривое.
Одиноко дереву было под Луною.

А Луна бродила
В небе сверхвысоком
Одиноким призраком и таким далёким...

Им бы повстречаться
Ночью бесконечной,
С нежностью обняться
В жизни быстройтечной.

Тлен бы вечным духом
Сразу пропитался.
И союз любовный
На Земле остался.

Солнечный зайчик

Солнечный зайчик коснулся слегка
Мягкой мурлыкающей кошки.
Я подняла от страницы глаза:
Жить надо здесь и сейчас.
Жизнь утекает по капле и исчезает по крошке.

Вот этот день совершенством своим
Мне предназначен судьбою.
Он как подарок среди разных миров,
Мне же решать,
Как поступить, что предпринять,
Дверь я какую открою.

Может, к закрытой я вдруг подойду,
Или мне кажется это.
Масса вопросов вмиг в голове,
А вроде и нет ответов.

Ясно одно: как ни крути,
Чтобы и где ни случилось,
Верь – будет классно всё впереди!
И Богу отдайся на милость.

О надёжности

Что надёжно —
Я не знаю.
Может, речка за окном,
Три берёзы на пригорке
И из памяти тот дом...

Может, чашка с чаем сладким
И горячень пирогов,
Может, звёзды в небе ясном
И сверхлёгкость детских снов....

Но одно мне ясно точно:
Нет надёжности вовне.
Жизнь – иллюзия простая.
Мы живём здесь как во сне.

Вы видели танец Вселенной?

Вы видели танец Вселенной,
Когда посреди пустота,
Забвение, драка, букет вождельений,
Коррупция и темнота?..

И как у ромашки сверхнежной
Тычинками люди внутри,
Наматывают они по центру
Круги, круги и круги,
Забыв, что в небесных сверхдалях
Нежнейшие есть лепестки.

И кружат, и выюжит,
и тянет, и манит,
Зовёт за собой пустота.
Но им бы проснуться,
вокруг оглянуться,
Понять, что у мира другая судьба,
И танец другой навсегда, на века...

Игорь Вайсман

Родился в 1954 году. Живёт в г. Уфе. В 1977 году окончил Башкирский государственный университет.

Член Российского союза писателей. Пишет прозу, сатиру и публицистику. Печатался в литературном журнале «Бельские просторы», еженедельнике «Истоки»; сатирическом журнале «Вилы», общественной электронной газете Республики Башкортостан, газете «Экономика и мы» и других СМИ.

Рассказы публиковались во многих антологиях современной прозы, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе и других городах РФ.

Автор книг «Книговорот», «Постиндустриальная баллада» (изд-во «Десятая муза», Саратов, 2016–2017), публицистического сборника «Может ли Россия стать флагманом всего человечества?» (изд-во «Перо», Москва, 2017), «Достоверная история Константиныча, прозванного Анти-казановой» (Астрахань, 2021).

О месте подвига в наше мирное время

Публицистика

Сегодня наша страна не «производит», точнее сказать, не популяризирует своих героев.

Игорь Матвиенко, композитор, продюсер

Неосведомлённость и слепота многих наших современников не перестают изумлять. Вот какой «интересный» вопрос задала журналистка еженедельника «Аргументы и факты» главе Синодального информационного отдела Русской Православной Церкви Владимиру Легойде:

– Недавно патриарх сказал, что без подвига нет христианства. А какой подвиг можно совершить в современных условиях, если нет войны?

Конечно, если акулам пера сделать замечание, они в таких случаях всегда открестятся – якобы просто так сформулировали вопрос, чтобы узнать мнение собеседника. Только беда в том, что не одни журналисты, а и масса учителей, деятелей культуры, политиков, не говоря уже о простых обывателях, совершенно искренне считают, что в мирное время подвигам места нет. Разве что, если спасти утопающего или находящегося в горящей квартире.

Но давайте вспомним хотя бы мирные 30-е годы прошлого века, когда граждане нашей страны совершали трудовые подвиги.

«То была пропаганда и идеология тоталитарного государства!» – возразят мне.

В таком случае возьмём более ранние примеры.

Джордано Бруно взойшёл на костёр ради идеи в мирное время.

И разве деятельность многих исследователей и путешественников, преодолевших множество трудностей ради совершения открытия, не была подвигом? Некоторые погибли в джунглях Амазонки и льдах Антарктиды, причём в мирное время!

А разве всю жизнь Иммануила Канта, добровольно отказавшегося от многих радостей ради служения высокой цели, нельзя назвать подвигом? По справедливому замечанию его биографов, такой подвиг длиною в жизнь совершить гораздо труднее, нежели один раз напрячься в душевном порыве, как это случается на войне или во время стихийного бедствия.

Об этом хорошо сказал Жюль Ренар: «Труднее быть в течение недели порядочным человеком, чем героем в течение пятнадцати минут».

Подвиги совершаются и в наше время, и в нашем городе. Разве волонтеры, среди которых, между прочим, есть не только жаждущая адреналина молодёжь, но и весьма почтенного возраста пенсионеры, не делают подвиги? Если бы не их регулярные акции, наши города, водоёмы и леса превратились бы в свалки мусора.

Одна моя знакомая по собственной инициативе, в собственном доме в селе Урман, организовала реабилитационный пункт для алко- и наркозависимых. Спасая заблудшие души, она вынуждена отказывать себе во многих вещах. И этот воз она тащит на себе почти десять лет.

Ещё несколько знакомых пенсионерок взяли на себя обузу ухаживать за бездомными кошками и собаками. Ежедневно они обходят целые кварталы и кормят животных. На собственную жалкую пенсию, без какой-либо помощи, и так много лет.

Жизнь так устроена, что всегда и всюду, независимо ни от каких обстоятельств, для подвига есть место. Нужно только увидеть, где он сейчас требуется, и набраться сил для свершения.

Что же касается нашего времени, то позволю себе вольность для такого заключения: в истории ещё не было эпохи, предоставляющей столь богатые возможности для совершения подвигов. Этому есть две причины.

Первая. Согласно заключению многочисленных экспертов, мы живём в эпоху приближающейся всемирной катастрофы. Об этом написана масса книг и статей, вполне научных. Учёные подсчитали, что не далее чем к середине XXI века на Земле начнутся необратимые процессы разрушения биосферы, вызванные нашей алчной цивилизацией. Они сигнализируют об этом с 50-х годов прошлого века. Но никаких основательных усилий предотвратить катастрофу в мире не наблюдается. Страны, народы и корпорации, как ни в чём не бывало, продолжают нещадно грабить остатки природных «богатств». Правительства государств озабочены увеличением ВВП и курсом валют, а если и реагируют на вызовы, то только сегодняшнего дня.

Так разве встать на защиту родной планеты и самой цивилизации не есть подвиг? И разве он не актуален? Поле деятельности здесь поистине неисчерпаемо, и подвигов можно совершить бесконечное множество. Их хватит на всех.

Для тех, кто совсем не хочет думать, навскидку предложу несколько направлений деятельности: организовать бригады по борьбе с браконьерами всех мастей – от расхитителей леса до контрабандистов живого товара; встать на защиту гибнущей под натиском пришельцев из Азии и Африки европейской цивилизации и культуры; вернуть в мировое сообщество традиционную мораль и воспитание, которые уничтожают лукавые либералы; устроить тотальное лоббирование власти, не желающей бороться с язвами общества и заставить её ими заняться. Здесь стоит изучить опыт таких международных организаций, как “Change.org” и “Avaaz”, насчитывающих десятки миллионов членов по всему миру и принуждающие правительства многих стран менять свои неправильные решения.

Вторая причина. В Советском Союзе подвиги совершать было значительно проще. Государственная пропаганда воспевала их, показывала наглядные примеры, указывала точки приложения сил. Жителей страны с раннего детства ориентировали на героизм, благородство и устремлённость к высокому.

(Тем, кто опять же спишет такую государственную политику на бесчеловечный тоталитаризм и извращённую идеологию, напомню, что и в дореволюционной России, и в уставе средневековых рыцарей, и в античном мире героизм почитался как наивысшее устремление человека.)

Совсем другое дело наше время – пропаганда агитирует больше потреблять, «протянуть руки удовольствиям», телевидение ежедневно прославляет гламурную жизнь «звёзд», о воспитании собственного населения государство напрочь забыло.

Поэтому идущий на подвиг фактически плывёт против течения. Он должен самостоятельно найти социальную проблему, точку приложения своих сил, осознать необходимость своего поступка и быть готовым к тому, что его, скорее всего, не то что медалью не наградят, а ещё и назовут «белой вороной».

Большого мужества требует героизм в наше бесславное время! А также умения анализировать и отделять зёрна от плевел. А также способности отказаться от сытой и благополучной жизни во имя гораздо более значимой цели. А также готовности к тому, что тебя, скорее всего, никто не поддержит, ибо у окружающих, как и у государственной власти, куда более земные задачи, и тебя они просто не поймут.

В тяжелейших условиях находятся герои нашего времени. Но свои подвиги они совершают. Только известно об этом немногим, так как средства массовой информации пиарить таких невыгодно – никто не заплатит!

Герой нашего времени в современном пейзаже

Битвы, которые считались величайшими, давно перестали влиять на историю. Октавиан Август разбил флот Антония при Акциуме; сколько лет ощущались результаты этой битвы? Сервантес потерял руку в бою под Лепанто. Вы хорошо помните, кто с кем там сражался и чем кончилось сражение?..

А Дон-Кихот и сегодня помогает итурмующим невозможное. В каждой победе есть доля его участия. Практическая отдача будет ощущаться еще долго...

Утверждаю: наскок Дон-Кихота на ветряную мельницу – одно из самых результативных сражений в истории человечества...

Генрих Альтов. «Опаляющий разум»

Одна издательская компания объявила конкурс литературных произведений о герое нашего времени. Я принял в нём участие, но мой герой оказался «вне формата». Тогда я задумался: каким может быть такой человек? Каким требованиям отвечать? К чему стремиться? Ради чего геройствовать?

Если отталкиваться от изначального смысла понятия «герой», а не трактовки Лермонтова, в которой присутствуют разочарование и горечь, то герой должен обязательно кого-то спасать, не жалея сил и средств, рискуя собственной жизнью. И, поскольку речь идет о герое какого-то временного отрезка, он должен совершать свои подвиги, борясь с главной опасностью именно этого времени.

Когда на страну нападает внешний враг, герой – это тот, кто идет защищать Отечество. Когда на человечество обрушивается эпидемия, герой – тот, кто находит спасительное средство от нее.

А с какой бедой бороться герою нашего времени? Некоторые на полном серьезе полагают, что с неэффективностью российской экономики, с произволом чиновников, с низкими доходами населения, с межнациональными конфликтами, с педофилами и т. д. Подозреваю, что те, кто так считает, страдают близорукостью, а возможно глаукомой и катарактой. Ведь не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять главную и страшную проблему нашего времени – реальную угрозу существования жизни на нашей планете. Многие экологи сходятся во мнении, что ближе к середине XXI века на Земле начнутся необратимые процессы, предотвратить которые будет невозможно. Но сейчас, в наше время, ещё можно развернуть алчный корабль человеческой цивилизации. И поскольку основная масса homo sapiensов занята исключительно тем, что видит у себя под носом – накопительством, потреблением, развлечениями, удовольствиями, ссорами, сварями и прочей чепухой, – нашей планете остаётся надеяться только на Героев.

Пока расплодившаяся, как на дрожжах, писательская братия печёт пироги-однодневки про «героев»-бизнесменов, гламурных стерв, геев и крутых бандитов, все, кто ещё не потерял остатки совести, должны бить в набат, пробуждая героев от сна.

Настоящий герой может идти только наперекор неконтролируемому разгулу разврата и потребительского умопомрачения. Он – монах в миру, кем в начале 17-го века считал себя китайский литератор Хун Цзычэн, автор книги афоризмов «Вкус корней». То есть он не уходит от мира, как это делают обычные монахи, стремясь спасти свою душу. Он спасает планету, ему не до личных интересов.

Но он и не противник достижений цивилизации, пользуется компьютером, телевизором, сотовым телефоном. Однако он избирателен к благам прогресса: передвигается только на велосипеде и пешком. И для него не существует ни шопингов, ни индустрии развлечений – он не растрчивает себя по пустякам.

Настоящий герой никогда не тратит время попусту, не убивает его за травлей анекдотов и пустопорожней болтовнёй. Он знает цену времени и то, что времени у него просто нет.

Он стопроцентный вегетарианец, потому что питаться меньшими братьями – верх варварства. Именно поэтому, а не от того, что так для здоровья лучше.

Смысл своей жизни он берёт из повести Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи»: стоять у края обрыва и следить, чтобы дети, играющие рядом, нечаянно не свалились в пропасть. При этом под детьми понимаются и брошенные мальчики и девочки, и брошенные котята, кошки и собаки, и поломанные деревья, и букашки с козявками. Детьми, наверное, не стоит считать тех, кто уничтожает нашу планету, но это моё мнение, а не его.

Его главные учителя: стоики, пуритане, Франциск Ассизский, И. Кант, Г. Торо, Иван Ильин, А. де Сент-Экзюпери, И. Бестужев-Лада, О. М. Айванхов и им подобные.

Его главные ценности: совесть, долг, справедливость, ответственность, добро и правда.

Его мировоззрение: Мировой порядок Вселенной, который всегда был и будет, независимо от того, признаёт его человек или нет.

Герой никогда не говорит: «Бог знает и Бог решит». Он руководствуется истиной: «У Бога нет других рук, кроме твоих».

Свой последний шаг на Земле он видит в том, чтобы не отнимать у планеты кусок под свою могилу. Он будет «похоронен» по обычаю древних зороастрийцев: его труп положат в лесу или дикой степи, чтобы голодные животные смогли его съесть – будет польза и от трупа. А что касается памяти о нём, то он убежден, что лучшая память о человеке – в его делах.

В общей картине современной эпохи герой нашего времени напоминает героев картин Питера Брейгеля-старшего. Приходится долго искать, где же герой изображён. Его напрочь заслонили рожи невежд, занятых своей мышью возней. Они занимают передний план и почти весь объём полотна не по странной прихоти великого живописца, а потому что так оно и происходит в жизни.

Лично я с описанным героем незнаком. Но знаю – такие люди есть. Об их реальных подвигах можно прочесть в материалах и сообщениях «зелёных».

Некоторые из реальных героев нашего времени отказались рожать детей, чтобы не участвовать в процессе пожирания собственной планеты. Это, безусловно, героизм, но мой герой (всё же я его придумал, а не списал) считает, что как раз такие родители и достойны рожать и воспитывать детей. А вот многие из тех, кто это делает, – вряд ли. Здесь должно быть государственное регулирование. Но для этого государство должно руководствоваться высокими принципами Мирового порядка Вселенной, чего мы не наблюдаем.

Реальные герои нашего времени называют себя «Хранителями Земли». Их с полным правом можно назвать и «Воинами Земли», и «Рыцарями Земли».

Пока массы суетятся, тусуются, оттягиваются и тащатся по полной программе, они отдают все силы и всё время спасению планеты. И за это о них не напишут СМИ. О них почти ничего не известно. Они – белые вороны на пире во время чумы. Да и кто заплатит за репортажи и интервью с людьми, живущими вразрез с общепринятыми понятиями?

Герои нашего времени! Библейское пророчество должно исполниться! Последние должны стать первыми! Не обижайтесь, но последние – это вы. Даже законченные невежды гораздо лучше вписываются в принятую в современном мире систему ценностей. Вы с таких позиций – главные лохи!

Но такого быть не должно!

Герои нашего времени! Родной планете не на кого больше надеяться, кроме как на вас.

Герои нашего времени, соединяйтесь!

Алла Валько

Член Российского союза писателей, автор книг «Тридцать девять лет в почтовых ящиках», «Америка моими глазами», «Об Украине с открытым сердцем», «Калейдоскоп чувств и событий в жизни Аси и её подруг», а также многочисленных публицистических и путевых заметок, репортажей, иронической прозы, мемуаров и рассказов, опубликованных в журналах, альманахах и сборниках.

Победитель и лауреат многих литературных конкурсов МГО СП России и ИСП.

Автор является обладателем наград: от Интернационального Союза писателей – Золотые дипломы (2014, 2015) и медаль Московской литературной премии (2015); от МГО СП России – именная статуэтка «Золотая звезда» (2014) и орден и.м. С. А. Есенина (2015); от РСП – Пушкинская медаль (2018), медали имени Чехова (2019) и Бунина (2020); от Издательского дома Максима Бурдина – литературная премия «Русское слово» (диплом III степени, 2020), диплом номинанта Литературной премии мира (2021).

Сострадание

Поначалу этот день ничем не отличался от других дней в Карпинтерии – небольшом курортном городке Южной Калифорнии, где я отдыхала тем летом. К счастью, в этот день не было густого тумана, скрывавшего всё вокруг, но не было и солнца. Над головой висело серое небо.

Я, как обычно, совершала свой ежедневный моцион вдоль пляжа. Дойдя почти до края гряды валунов, защищавших от штормовых волн расположенные за ним коттеджи, я буквально в метре от берега увидела лежавшего среди камней морского котика. Он был небольшого размера, совсем ещё детёныш. Когда я подошла к нему вплотную, котик приподнял голову и взмахнул маленьким ластом, как ребёнок ручкой.

У меня защемило сердце. В чём дело? Котик устал и сейчас отдыхает? Или он не может самостоятельно вернуться в родную стихию? А может быть, он нездоров и ждёт, когда подступающий к валунам прилив унесёт его обратно в океан?

Эти вопросы молнией пронеслись в моей голове, пока я в нерешительности стояла возле него. Затем внезапно пришло решение, и я сказала себе: «Котик такой маленький, не больше семидесяти сантиметров. Сейчас я подниму его и перенесу в воду». Но как только я наклонилась над ним, чтобы выполнить своё намерение, малыш снова поднял головку, оскалил зубы и даже твякнул, давая мне понять, что может укусить. От неожиданности я рассмеялась, а потом заговорила с ним, стремясь убедить в том, что не хочу причинить ему вреда.

Однако едва я снова наклонилась над ним, как его реакция оказалась такой же недружелюбной, так что я даже отпрянула. Я поняла, что одной мне не удастся перенести пострадавшего в океан.

Тогда я решила попросить кого-нибудь из отдыхающих или местных жителей помочь мне. Но в этот сумрачный день поблизости никого не было. Малыш лежал на боку и, изредка поднимая ласт, тряс им в воздухе. Потом он перевернулся на живот и конвульсивно задёргал задними лапами.

Я всё больше утверждалась в мысли, что он нездоров.

Наконец из-за гряды валунов, о которые плескались океанские волны, показались три молодых человека. Они прошли на наш пляж по воде. Я обратилась к ним с просьбой помочь мне перенести котика в океан. Один из парней стал что-то быстро объяснять мне. Я попросила его говорить медленней.

В конце концов я поняла, что малыш, возможно, болен, но морские животные являются национальным достоянием, поэтому их трогать нельзя, и что в Калифорнии существует специальная служба, которая занимается решением этих проблем. Второй молодой человек, наклонившись к котику, подтвердил, что он действительно “sick”. Однако в переводе на русский это могло означать, что он или болен, или просто слаб, что далеко не одно и то же.

Молодые люди ушли, а я по-прежнему не знала, что делать. Котик, видимо, понял, что я не представляю для него опасности, и так как я молча стояла возле него, лишь изредка поднимал головку и смотрел, не ушла ли я.

Сердце моё разрывалось от жалости и сострадания. Я всё ещё надеялась, что пострадавший отлежится и уплывёт в океан. Он не производил на меня впечатления безнадежно больного животного, и я решила, что ему просто нужно оказать помощь. Но какую, не знала.

Начинало смеркаться. Я взобралась на валун повыше, чтобы привлечь чьё-нибудь внимание, однако в этот сумеречный день на пляже так никто больше и не появился. Вдруг вдалеке я увидела мужчину, быстрым спортивным шагом идущего вдоль берега. Я помахала ему рукой, приглашая его подойти.

Когда он приблизился, я указала ему на лежавшего котика и спросила, может ли он помочь мне отнести его в воду. Мужчина оказался местным жителем, хорошо знакомым с местными правилами. Он объяснил, что больные животные часто выходят на берег, чтобы умереть здесь. Сейчас весна, и многие молодые морские звери чувствуют себя слабыми.

Чуть не плача, я твердила: «Он совсем малыш. Kid, kid».

Мужчина сказал, что я так остро переживаю это событие потому, что сама мать и во мне говорит материнское чувство. Вряд ли это могло утешить меня, и я спросила: «Что же я могу сделать для него?» Мужчина ответил: «Вы уже сделали всё, что могли. Сообщили мне, и теперь я позвоню куда надо».

Он ушёл, а я ещё некоторое время стояла с затаённой надеждой, что подоспеет помощь. Однако мои ожидания были напрасны. Мне было пора уходить. Я бросила на малыша прощальный взгляд и оставила его одного.

На следующий день, захватив с собой фотоаппарат, я снова направилась к месту, где накануне оставила ослабевшее животное.

Его там не было. Я сфотографировала только валуны, возле которых он лежал накануне вечером, и не могла понять, радоваться мне его исчезновению или нет. В душе у меня затеплилась надежда, что больной отлежался и уплыл в океан.

Прошло две недели. За это время вместе с семьёй дочери я совершила интересное путешествие. Я часто думала о котике и втайне надеялась, что всё завершилось благополучно. Возвратившись в Карпинтерию, я снова отправилась на прогулку вдоль гряды валунов. Невдалеке шли две женщины, а их вырвавшиеся на свободу собаки с бешеной скоростью гонялись друг за другом. Потом они забежали на песчаную дамбу, образованную океанской волной, и начали что-то обнюхивать. Дамы немедленно отозвали своих питомцев. Когда обе они удалились от меня на значительное расстояние, я подошла к месту, где задержались собаки.

С ужасом и недоумением я увидела, что на дамбе, распластавшись, лежит мёртвый котик. От него не исходил запах, хотя прошло уже много времени, но его нос и часть спины были обглоданы...

Когда и каким образом он оказался здесь, на расстоянии нескольких сотен метров от того места, где я оставила его, ещё живого? У меня даже закралось сомнение: то ли это животное? И почему его не убирают? Ведь он лежит всего в двадцати метрах от коттеджей, из которых выходят люди. Они же видят его! Или им всё равно? И значит, тот мужчина, который собирался позвонить куда надо, не выполнил своего обещания? Как же так?..

Не зная, что делать, я позвонила дочери, чтобы спросить её, куда мне следует обратиться, чтобы погибшее животное убрали с пляжа? Дочь ответила, что не знает названия нужной мне службы.

На следующий день я снова пришла на пляж и, увидев проходивших мимо котика девушек, спросила их, давно ли он лежит здесь. Они ответили, что недели две. Теперь у меня не оставалось сомнений в том, что это был тот самый...

Я наблюдала, как люди выгуливали на пляже своих собак. Если пёс направлялся к погибшему животному, то хозяин отдавал команду не приближаться к нему. Стало быть, заключила я, местные жители видели, что произошло у них на берегу, однако никаких попыток убрать или захоронить котика не предпринимали. Метрах в пятидесяти от него дети на песке играли в мяч, не обращая на мёртвое тело никакого внимания.

Все, кроме меня, были спокойны. Это казалось мне более чем странным.

Спустя ещё несколько дней я пошла на прогулку вдоль берега в другую сторону, где, закончив свой трудовой день в школе, обычно отдыхала моя знакомая Джен. Я рассказала ей о случившемся, и она очень расстроилась. Джен обещала мне узнать название организации, куда

следует обратиться за помощью. Действительно, на следующий день я уже смогла написать электронное письмо на горячую линию по морским млекопитающим. Ответа на мою информацию не последовало, однако дня через три труп убрали.

А ещё через день я пришла на высокий берег, откуда можно видеть лежбище котиков. Там я разговорилась с женщиной-волонтером, которая на добровольных началах наблюдала за поведением и численностью этих морских млекопитающих. Она дала мне бинокль, чтобы я посмотрела на лежащих внизу морских котиков. Женщина сообщила, что таких волонтеров всего сто человек и все они гордятся тем, что способствуют сохранению дикой природы. В свою очередь, я рассказала ей печальную историю о котике. Женщина заволновалась и посоветовала мне в следующий раз, если подобное повторится, сразу обращаться к волонтерам.

Только теперь я узнала, как мне следовало поступить в этом случае. И в ту же минуту меня начали мучить угрызения совести.

Как я сама не догадалась, что помощь могла прийти именно отсюда? Может быть, эти люди помогли бы тогда ещё живому котикю! Я могла бы дойти до заповедника быстрым шагом всего за час! Но, с другой стороны, волонтеры не всегда бывают на месте. К тому же тогда уже вечерело. В любом случае эти люди могли бы вовремя убрать погибшее животное...

Я поблагодарила женщину и ушла. К сожалению, в этот раз что-либо исправить было уже поздно...

Александр Ведров

Уроженец Свердловской области, инженер-атомицик. С 1963 года работал на Ангарском атомном комбинате, затем на партийных должностях и на государственной службе.

Заочно окончил Иркутский институт народного хозяйства и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Член Общественного совета при аппарате губернатора и правительства Иркутской области.

Автором опубликовано одиннадцать книг, из них три романа. В 2015 году Александр Петрович стал членом Российского союза писателей и в том же году признан лауреатом национальной литературной премии «Писатель года России». Является кандидатом в члены Интернационального Союза писателей. Финалист литературного конкурса Русского Императорского Дома «Наследие», лауреат Международной премии им. Достоевского.

Волчица

Нет сказок лучше тех, которые создала сама жизнь.
Х. К. Андерсен

Глава 1 На стойбище Булчута

Ваня Петров, якут по материнской линии, к охоте пристрастился лет с двенадцати, как и многие его сверстники. Он рос сиротой и знал только, что когда-то его родители, оба геологи, погибли в авиакатастрофе.

К восемнадцати годам ему выделили постоянный охотничий участок, богатый соболем и белкой, где молодой охотник выполнял за сезон не один отпущенный план. Как-то в своих охотничьих похождениях он решил навестить стойбище Булчута, своего дяди, участок которого располагался по соседству.

Путь был неблизкий; солнце уже опускалось к вершине пологой горы, когда показалась юрта, дверь которой была распахнута настежь. Что-то неладное! Ускорив шаг, Иван подошел к юрте, но его встретил не хозяин, а крупный волк серой масти! Он стоял в пяти шагах от двери. На фоне чистого белого снега волчья шерсть отливала серебристым инеем.

Сорвав с плеча винтовку, Иван навел ствол на зверя, готовый спустить курок, но что-то помешало ему послать пулю в неподвижную мишень. Почему он застыл на месте? Ни малейшей попытки сорваться с места, уйти от верной смерти – напротив, стоявший в пол-оборота к охотнику волк без тени страха или злобы смотрел ему прямо в глаза.

В этом взгляде читалось смирение, понимание чего-то более важного, чем встреча извечных врагов, какая-то глубокая мудрость, исходящая из высшей истины: «Да, я под прицелом, и твоя пуля быстрее моих ног. Я ждал тебя и готов принять смерть, но ты должен понять, почему я здесь».

Почему же он не ушел, хотя чувствует человека за версту? Мозг охотника работал лихорадочно. Он что-то знает! Знает такое, что выше его жизни... Наваждение какое-то... Когда человек встретился взглядом с волком, то отчетливо понял: стрелять нельзя. Нельзя тревожить Духа Великого Севера – Злого или Доброго, – вселившегося в этого волка, который застыл в неподвижной позе. Если Дух окажется Добрым, то никогда уже не будет помогать святоотатцу, а если Злым, то не простит стрелка и накажет его.

Во взгляде волка, уловившего внутреннюю борьбу охотника, прежняя настороженность сменилась добротой. Подчинившись действию неведомой внешней силы, человек опустил оружие. Зверь принял отпущенный знак примирения и исчез в кустах. Только тогда пришелец ощутил холод на спине, который, впрочем, быстро сменился жаром, запоздало охватившем его от волнения и непонимания случившегося.

Неожиданно раздался слабый детский голосок. Плач ребенка!

Что за наваждения, одно за другим, преследуют его в брошенном стойбище?

Снова мороз по спине, снова человек бросает по сторонам испуганные взгляды, а руки крепче сжимают винтовку. Что-то темное виднелось в небольшом сугробе, где только что стоял волк; оттуда и доносился детский зовущий плач.

Этого еще не хватало!

Юноша, уже набравшийся опыта в суровых северных условиях, подошел поближе и увидел личико ребенка, укутанного в меховое одеяние. Оно было совсем маленьким – лицо анге-

лочка, оказавшегося в безмолвной снежной пустыне по чьей-то воле, доброй или недоброй. И только одинокий волк в холодном пустынном пространстве был ему хранителем.

Так вот в чем причина необъяснимого поведения волка! Он стоял на защите ребенка, дитя человеческого! Иван нагнулся над находкой. Сколько ребенку было отроду? Каких-то несколько дней. Как он здесь оказался? Почему не в юрте? Снег был примят, вокруг волчьих следы, вот и лежанка зверя, который пристраивался к малышу вплотную, согревая своим телом.

Теперь вопрос – что делать с ребенком? И как с ним обращаться, если подобных навыков не имелось ничуть? Солнце уже коснулось лучами линии горизонта, скоро наступит полная темнота, как это бывает на бескрайней ровной местности, и медлить было нельзя. Иван взял на руки ребенка, который сразу перестал плакать и смотрел ему в глаза, изучая нового попечителя, явившегося взамен мохнатому зверю.

Новоявленный воспитатель с живой поклажей на руках повернулся к двери жилища – и только сделал пару шагов к ней, как новое ужасное зрелище предстало его глазам.

Чуть правее от юрты, привалившись спиной к стволу ветвистого кедра, сидел Булчут. Тело было покрыто снегом, и только непокрытая голова, возвышаясь над белым покровом, строго смотрела побелевшим лицом в сторону чада, оставшегося без помощи и заботы. Остекленевшие глаза были открыты и словно следили в беспокойстве за оставленным ребенком, подчеркивая трагичность картины. Около дядиных ног под продолговатым сугробом угадывалось тело его жены, родительницы крохотульки, находившейся на Ивановых руках. Что же с ними случилось?..

А кроха требовала заботы и внимания. Надо все-таки идти в юрту, развести огонь.

Осторожно вошел в юрту. В ней ничего подозрительного, только холод казался сильнее, чем снаружи. В котелке замерзшая вода, к стене приставлено охотничье ружье.

Вот уже разведен огонь, в жилище стало теплее. За слюдяным оконцем темнота, ребенок молчал, будто понимая, что сейчас не время для капризов, лишь временами напоминал о себе легким шевелением. Чем его кормить, грудного младенца, оставшегося без материнского молока?

Иван готов был впасть в отчаяние, когда в дверь снаружи кто-то начал скрестись. Иван прислушался, взял винтовку и подошел к двери. Снова раздалось поскребывание, уже требовательное. Что за духи явились из темноты?!

С ружьем на изготовку охотник подошел к двери, толкнул ее ногой и отскочил назад. Дверь распахнулась, и в метре от порога Иван увидел того же волка, что и раньше. В лунном свете он был хорошо виден и снова стоял под прицелом, рискуя жизнью и добываясь своей потаенной цели. Какой? Возможно, волк просился к ребенку, о котором заботился до прихода человека и знал, что делать. А еще Ивану показалось, что волк улыбается!

Иван опустил оружие и сделал два шага в сторону, пропуская настойчивого гостя.

Волк переступил порог, мягкой поступью подошел к лежанке и, вскочив на нее, лизнул лицо малыша. Иван находился в неимоверном напряжении, готовый выпустить в зверя огневой заряд, но не видел в его действиях ничего угрожающего для ребенка. Вот он аккуратно переступил передними лапами через дитя и припал животом к его лицу. Раздалось энергичное причмокивание.

Волк оказался самкой, кормящей человеческого детеныша! Иван, получивший на стойбище столько впечатлений, что их хватило бы не на один год, отказывался верить своим глазам. Уж не пятый ли сон он досматривает, где события мелькают одно невероятнее другого?..

Тем временем, закончив кормление, волчица спрыгнула с лежанки, мельком взглянула на охранника и покинула помещение.

Только тогда Иван закрыл дверь и подбросил в огонь дрова. Ребенок безмятежно спал, вызывая прилив нежности и умиления. Иван прилег рядом в тревожных раздумьях о предсто-

ящем дне. Как одолеть путь до поселка, до которого более тридцати километров по тайге? Чем кормить ребенка в пути? И что произошло с погибшими хозяевами?

Но вскоре путника, утомленного затяжным переходом, одолел глубокий сон.

Утром Иван приступил к подготовке похода. Нагрел в котле воду и развернул беспокойно ворочавшегося ребенка. Это была девочка... значит, двоюродная сестренка. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы ее помыть, перепеленать, после чего малышка тут же уснула. Для походной экипировки сестренки охотник из рысьей шкуры изготовил что-то наподобие котомки. Заглянул в хозяйский лабаз, где, к своей радости, обнаружил запас кедрового ореха. Вот что подойдет для детского питания, если растолочь и приготовить кедровое молоко! Этим и занялся молодой нянь.

К полудню приготовления были завершены. Оставалось затащить в юрту окоченевшие тела покойных родителей осиротевшей сестренки, оставить на том же сугробе, где волчица выкармливала девочку, продуктовые запасы и – в поход.

Иван Петров шел к поселку, где можно было пристроить сироту и сообщить о странной гибели ее родителей. Скорость передвижения была невелика, пришлось устроить несколько привалов и провести наступившую ночь у костра. Питание для ребенка оказалось вполне сносным. Орех и для него стал подспорьем.

События, случившиеся на стойбище, мерещились Ивану, пока тяжелые веки с характерным якутским разрезом не сомкнулись в беспокойном сне.

Он очнулся под утро, когда стало подмораживать. Выпил кружку теплой талой воды и бодро двинулся в путь.

Ко второй ночи, когда мгла уже опускалась на землю, он вошел в поселок.

В отделении милиции следственная группа приступила к изучению невероятного происшествия на стойбище, но установить причину смерти семейной пары не смогла. Степан Захарович, заведовавший зверопромхозом, всегда близко воспринимал судьбу рано осиротевшего Ивана и на этот раз советовал ему уехать из здешних мест, где пошла худая слава о человеке, который завел дружбу с волком. Дескать, тот по ночам приводит к молодому охотнику целую стаю, и они вместе воют на круглую луну, утверждая торжество Злых Духов. Поползли даже слухи о том, что и сам Петров был когда-то волком, потому хищники и принимают его как своего. Впрочем, вопрос решил сам собой. По повестке воинского призыва Иван Петров был мобилизован и распределен для прохождения службы на Дальний Восток.

Осиротевшую девочку определили в детский дом, каких во множестве было разбросано по стране в послевоенные годы. До мобилизации Иван при каждой возможности навещал сестричку, названную Вероникой, и она, чуть подросшая, каждый раз просила забрать ее из детского дома, считая брата своим отцом. Ведь она слышала от детей и воспитателей едва ли не сказочные истории о родителях, о матерях и отцах, которые имеют семьи и живут в них дружно и весело со своими, такими же малыши, ребятами. Малышка еще не знала, что глубинные устои, определяющие прочность семьи, слишком призрачны и ненадежны. Вот и собирали органы попечительства детишек из распавшихся семей наравне с осиротевшими...

Больше ее никто из родственников не навещал. Может быть, она была не нужна, а может быть, их и не было. Но Иван, тоже выросший в детском доме, не имел возможности хоть как-то разместить и воспитывать сестренку. Не в охотничьем же чуме жить девочке...

А вскоре он был призван в армию.

Глава 2

Годы спустя

Вероника росла детдомовкой, где молодая воспитательница Марфа Вениаминовна, приветливая и заботливая, старалась делать все для того, чтобы ее детки не чувствовали себя брошенными на произвол судьбы.

Девочка помнила, что самым близким ей человеком был дядя Ваня, который не иначе как приходился ей отцом. Давно уже не было рядом дяди Вани, который далеко служил в какой-то армии. А в четыре года с ней произошел случай необычайный, который никто не мог хоть как-то объяснить.

В тот день дети по обыкновению играли на площадке, отгороженной от поселковой территории забором. Вдруг, откуда ни возьмись, на площадке появился волк, который вел себя вполне мирно. Испугавшись, дети с криками бросились к Марфе Вениаминовне, находившейся на лавке под грибком, и на площадке осталась только Вероничка, одна наедине с волком.

Волк стоял перед девочкой, но не подходил вплотную, лишь во взгляде чудилось что-то родное, близкое и сокровенное, такое, чего ей не приходилось видеть за всю свою короткую жизнь. От этого проникновенного взгляда Веронике было тепло и хорошо. А еще ей показалось, что волк улыбается!

И девочка непроизвольно пошла навстречу приветливому взгляду и доброжелательной улыбке. Пошла, несмотря на отчаянные призывы Марфы Вениаминовны спастись и немедленно бежать от волка. Собственно, Вероника даже не принимала такое смелое решение, просто ноги сами повели ее к этому громадному и мощному, но и одновременно доброму зверю. Они стояли совсем рядом, голова к голове, только волчья голова была выше, и девочке надо было дотянуться рукой, чтобы погладить ее.

Волк опустил голову, и Вероничка в каком-то необыкновенном воодушевлении гладила это сильное и смирное животное, ощущая тонкой кожицей ладошки прямые и жесткие волчьи волосы, а сама, не отрываясь, смотрела в бездонные черные глаза, поглощенная их необъяснимой лаской – той лаской, которой была лишена с первых дней рождения.

А на площадке поднялась паника, и крики детей и воспитательницы нарушали единение сблизившихся душ волчицы – а это была, конечно, она – и вскормленной ею девочки. На шум поспешил завхоз с собакой на поводке, рвавшейся в безудержном лае и стремлении навести должный порядок на вверенной территории.

Завхоз, несущий ответственность за безопасность детского учреждения, спустил с поводка сторожевого пса Серко. Тот ринулся в схватку, но волчица спокойно повернулась к собаке, встретив ее взглядом, и та неожиданно завалила хвостом, дружелюбно закрутившись в эпицентре горячих событий. Не иначе как пес осознал во взгляде гостыи превосходящую моральную силу, а то и общую их принадлежность к собачьему роду.

Глядя на предательское примирение сторон, завхоз плюнул с досады и высказал что-то, не предназначенное для детских ушей.

Волчица не стала ждать дополнительных действий к выдворению с запретной территории. Неожиданно для девочки она лизнула ее в щеку, а затем, набрав короткое ускорение, легко взмыла над забором и скрылась из вида.

День ото дня масштаб начавшегося в детском доме переполоха нарастал. Даже газеты писали о волчьем визите дружбы на детскую площадку. Привлекаемые к расследованию «дикого происшествия» официальные лица отказывались признавать правдивыми «бредни о дружбе волка и ребенка».

Позже Вероника Ивановна сама задумывалась о той магической силе, что была заложена природой в волчицу-спасительницу. Откуда эта способность безошибочно оценивать обста-

новку, входить в безмолвный контакт с человеком, устанавливая с ним доверие и понимание? Эту способность она могла объяснить разве тем, что волчица относилась к их волчьим колдуньям. Бывают же такие у людей...

Не успела взбудораженная общественность обсудить животрепещущие новости о пребывании волка в детском коллективе, как волчица провела в детдоме новую блестящую операцию. На этот раз она осуществила ночную вылазку с выходом на давнюю подопечную, с которой намеренно восстановила доверительные отношения.

Дети уже засыпали, когда Вероника услышала за окном поскуливание. Каким-то чутьем девочка уловила, что этот сигнал посылается ей. Вероника подошла к окну и открыла его. Под окном увидела двух волков – одного большого, в котором признала недавнего гостя, и рядом с ним совсем маленького и славного волчонка.

Волчица подошла к открытому окну, встала передними лапами на подоконник и дважды лизнула девочку в щеку. Затем она отошла и встала поодаль, не сводя с Вероники выжидательного взгляда. Она приглашала ребенка к себе.

Девочка не могла помнить волчицу-мать: слишком мала была она в те роковые дни, когда оказалась одна на стойбище, одна в Большом Белом Безмолвии. Но другие ощущения владели ею. Тогда, едва явившись на свет, она уже жадно впитывала в себя обрушившийся на нее мир, где главным был тот исток жизни, к которому она припадала в минуты кормления. И то тепло, тот запах, что создавали уют от долгих лежаний волчицы рядом, тоже навсегда вошли в чувствительные органы дитя.

Недолго думая, Вероника подставила к окну табурет и, спустившись во двор, без капельки страха подошла к волчице, которая села перед ней, а волчонок крутился возле детских ног. И снова девочка в радостном волнении гладила жесткую волчью шерсть, перебирая ее пряди тонкими пальчиками и сознавая в происходящем что-то большое и важное, такое, что останется с ней надолго, а может быть, на всю жизнь.

Но волчице надо было исполнить свою задумку, ведь она пришла не только ради визита дружбы. После отведенного времени на изливание взаимных нежных чувств она встала, опять лизнула девочку, затем подошла к волчонку и несколько раз ткнулась носом ему в мордочку.

Было нечто такое в том загадочном и прощальном волчьем ритуале, что когда волчица, не оглядываясь, быстрыми скачками кинулась прочь от дорогих ей маленьких несмышленишек – один другого меньше, – волчонок, усевшись на землю, лишь провожал тоскливым взглядом убегающую мать, но не сделал даже попытки последовать за ней. Ведь волчицы славятся не только нежным и заботливым воспитанием детенышей, но и умением держать их в строгом подчинении. Они, волчьи матери и дети, без слов понимают друг друга лучше, чем многословные и падкие на лукавство люди.

Волчата – те лесные детеныши, которых природа одарила самыми заботливыми и преданными родителями, такими, которые до самозабвения охраняют, нежат и воспитывают малышей. Отец семейства всегда дождетя, когда волчата утолят голод, и лишь тогда доест остатки принесенной пищи. Счастливое щенячье детство сочетается с самым строгим воспитанием, с подготовкой молодняка к жизни в условиях жестокой конкуренции видов и того великого закона естественного отбора, когда выживает сильнейший. Потому-то за малую провинность волчат ждет неминуемая суровая трепка.

...Проводив убегающую в темноту волчицу, Вероника обратила всю свою детскую ласку на оставленного ей в попечение волчонка. Тепленький, мягкий и пушистый карапуз терся об ее ноги, смешно барахтался, опрокидывался на спину, подавая новой хозяйке знаки любви и преданности. Так наказала ему мать, да он и сам сознавал, что отныне его дальнейшая судьба зависит от нее, маленькой и славной хозяйки.

Их возню прервал подошедший сторож, дядя Федя, которому надо было знать, как воспитанница в полночь оказалась на улице и откуда у нее объявился щенок.

– Это мой щенок, – последовал ответ. – Меня позвала моя волчица и подарила мне своего ребенка.

Сторож, наслышанный о «волчьих связях» Вероники, повел странную девочку в помещение. Волчонок неотступно следовал за хозяйкой.

Полуночная троица двинулась в спальню, где девочки, семь безмятежных голов по своим подушкам, мирно спали, просматривая детские сны. Щенок разместился на подстилке у кровати Вероники, свернувшись калачиком, и затих. Вероника спустила руку с кровати, поглаживая нового маленького друга.

Вырастут ли они вместе до большой и взрослой жизни, где всё по-другому, не как в детском доме? «Вернется ли волчица, чтобы забрать своего ребенка?» – думала девочка, погружаясь в мягкий сон.

Утренняя разборка у директора детского заведения новый свет на чрезвычайное ночное событие не пролила. После очередного пересказа малышкой несуразной истории (теперь уже с двумя волками) наступила гнетущая тишина. Маленький серый симпатяшка добродушным нравом располагал к себе серьезных и взрослых людей. Да и памятная прилюдная встреча девочки с волчицей заставляла их хоть в чем-то верить в необъяснимые чудеса.

Решение оказалось самым благоприятным. Директор распорядился пристроить щенка на территории детского дома. «Пусть одним подброшенным воспитанником будет больше», – сказал он.

Волчонка, оказавшегося при осмотре девочкой, поместили в отдельной конуре рядом со сторожкой и после всеобщего обсуждения назвали Найдой. Попутно Веронике приклеилось прозвище Волчица, на что она нисколько не обижалась и даже гордилась признанием своей принадлежности к волчьему роду. Характер у Найды оказался спокойным и уравновешенным. Она позволяла гладить себя всем детям, но при появлении Волчицы находилась только при ней.

* * *

Вернувшийся с дальневосточной службы Иван Петров не замедлил навестить Веронику, воспоминания о которой согревали на чужой стороне чуткое солдатское сердце. Он и сам с малых лет воспитывался в том же детском доме, что приютил двоюродную сестренку, единственную на свете родную кровинушку. Ему ли, испытавшему строгую детдомовскую жизнь, не понять состояние Веронички, не знавшей материнской ласки и отцовской поддержки?

Радость встречи брата с сестренкой была безмерной. Их бурные восторги охотно разделяла Найда, признавая в Иване нового хозяина.

Выслушав рассказ девочки о приходах волчицы, Иван испытал сильнейшее потрясение. Перед ним живо встали в памяти жуткие картины прошлого, но делиться тяжелыми воспоминаниями с Вероникой он не стал, отложив трудный разговор до поры до времени. В правдивости ее рассказа он ничуть не сомневался, но причину передачи на попечение девочки своего детеныша знала только сама мудрая волчица, и она унесла эту тайну с собой.

Вскоре Иван объявил сестренке долгожданную радостную весть: «Готовься, Вероника, скоро я заберу тебя из детского дома». Он поделился с девочкой планами переезда в облюбованные места армейской службы, где и природа богата, и погода хороша.

Жгучей новостью о переезде Вероника поделилась с воспитательницей, у которой всегда находила заботливую поддержку и теплоту. От такого известия Марфа Вениаминовна пригорюнилась. Она и не заметила, как сама прикипела сердцем к Волчице, деликатной и самоуглубленной девочке. Но Иван парень приглядный и надежный, с ним Вероника будет как за каменной стеной. А вот у нее, Марфы, так и не объявился пока суженый...

Глядя на расстроенную тетю Марфу, Вероничка провела с папою (братом) должную «дипломатическую работу», и вскоре молодая семья в составе трех человек, навсегда связав-

ших свои судьбы взаимной дружбой и любовью, а с ними молодая волчица, перебрались с холодного Севера, ставшего для них школой выживания и возмужания, в теплый Приморский край.

Это случилось в 1968 году. Новоселы быстро прижились и нашли себя в новой обстановке. Иван получил высшее образование в политехническом институте Владивостока и работал по специальности. Марфа занималась воспитанием ребятишек в детском садике, где строилась и Вероника.

Довольно быстро в поселке Суходол, что размещался в бухте с одноименным названием, семье выделили квартиру. Найда, нашедшая в человеческой семье долгий и добрый приют, была спокойной и ласковой со всеми, с каждым годом набирая силу и стать.

Ивану Прокопьевичу уже не казалась призрачной волчья улыбочка. Он замечал за Найдой улыбки разных чувств и настроений – нежные и веселые, хитрые и даже застенчивые. Его поражала широкая гамма чувств у зверей, пользующихся славой самых злобных и коварных хищников. Обратившись к книжным источникам, Иван Прокопьевич выяснил, что только эти свирепые звери обладают способностью улыбаться. Это же самое замечается и за собаками.

Веронике тоже открылись глаза на неожиданные волчьи способности. Оказалось, Найда... разговаривала! Перед «разговором» она пристально смотрела в глаза собеседнику и, завладев вниманием, начинала невнятное бормотание. Временами «говорящая» волчица твкала, ворчала и даже недовольно рычала. Могла и похныкать, жалуясь на что-то.

* * *

Волчица благополучно прожила с людьми пятнадцать лет, если не считать, что за это время трижды исчезала из дома на полтора-два года, обращаясь из домашнего зверя в свободную охотницу – такую же, какой была ее мать.

Вернувшись из очередных странствий, вела себя так, будто и не покидала надолго отчий кров. Осматривая лапы странницы, Иван говорил, что Найда преодолевала большой и нелегкий путь. Повинуясь могучему зову продолжения рода, она уходила в родную стихию, к лесным собратьям, где жила установленными природой порядками, заводила и ставила на ноги потомство, а потом оставляла его в волчьем семействе. Ведь волки чтят принадлежность к стае, берегут и укрепляют ее, сообща пестуют и поддерживают молодняк. Для этого в волчьих стаях введена ответственная должность «дядек» – самцов, воспитывающих молодое поколение.

Волчьи семьи могут служить примером для мира млекопитающих, включая людское сословие, изменчивое и лукавое. Волчья супружеская пара сходитя на всю жизнь, если только кто-то из верных партнеров не погибнет преждевременно на опасных звериных тропах. Волчица-мать неотлучно находится с малыми детьми, кормит их, а родственники носят ей пищу. Отец тоже всегда рядом с потомством, если не занят охотой. Супруги трогательны в выражении преданности и ласки: облизывают друг друга, нежно трутся головами и боками.

Матерая пара сохраняет при себе молодые семейные союзы, образуя большую стаю. Вожаки стаи наставляют молодых, направляют их энергию и азарт на удачную охоту. Волки имеют свой язык с множеством смысловых оттенков. Из всех лесных хищников единственно волки живут сплоченной семьей. С них взял пример величайший из хищников на земле – всеядный человек, создающий семейные кланы.

Волчьи стаи – самая грозная и беспощадная сила русских лесов, но все же волки пользуются благосклонностью человека, который понимает их предназначение в природе. Они исполняют миссию санитаров леса, поддерживают баланс мира животных, уничтожая слабых обитателей и вынуждая их совершенствовать средства защиты и безопасности. Серые убийцы, питающиеся мясом и только мясом живых тварей, не могут позволить себе проявление жалости к добыче.

...Исполнив свой родовой долг, волчица возвращалась в людское жилище, окруженная любовью и откликаясь на ласковое имя Найда. Так и жила она двумя жизнями и двумя семьями, людской и волчьей, только вот находясь в одной семье, тосковала по другой.

Когда Вероника достигла совершеннолетия, Иван Прокопьевич рассказал ей историю гибели настоящих родителей и ее чудесного спасения благодаря той волчице, которая потом приходила в детский дом и оставила на воспитание «своей девочке» Найду. Узнав о своем происхождении и о том, что волчица-мать оказалась ее молочной кормилицей, Вероника долго не могла прийти в себя, замкнулась, стала нервной и неразговорчивой. В тонкой материи чувств она возвращалась в прошлое, видела себя брошенной на снегу и переживала заново те дни обречения на гибель.

И своих бедных родителей неподалеку, под кедром, видела она, когда омертвелый отец охранял ее, развернув побелевшее на морозе лицо с открытыми глазами в сторону обреченной доченьки. И матушку родимую, схоронившуюся от горя под снежным сугробом. Вероника снова ощутила себя сиротой, еще и дважды потерявшей родителей: тогда, в младенчестве, – настоящих, а потом, с наступлением совершеннолетия, – тех, кого считала настоящими.

Вот как бывает в детских домах с потерями родителей и их шаткими приобретениями...

Самой близкой из всех на свете ей стала Найда, молочная сестра. Нет, не зря мать-кормилица привела ей в подарок волчонка, оторвав от материнского сердца. Отец Иван говорил, что волчица заботилась о сохранении детеныша, но нет, никак нет, – мудрая волчица заботилась о вскормленной девочке, одарив ее сестрой. Маленькая Вероничка поняла это открывшимся высшим разумом, твердо заявив всем взрослым людям, что волчица принесла щенка ей в подарок.

«Так и содержат нас, приемных сестер-волчиц, сердобольные люди, дядя Ваня и тетя Марфа», – размышляла Вероника... и несколько горестных месяцев не могла отринуть навязчивые наваждения.

В такие минуты опечаленная девушка шла за утешением к Найде, в верности которой не сомневалась никогда. Вероника подходила к Найде и заводила с ней грустный разговор. Ласкала и гладила, перебирала пальцами густую жесткую шерсть, обнимала за шею, прижимая к себе верную и послушную подругу. А не то они подолгу смотрелись глазами в глаза, отыскивая игру чувств и настроений, оттенки любви и почитания.

Найда видела и понимала состояние девушки, ощущала угнетенную ауру и разделяла душевную боль, выражая сочувствие тихим ворчанием и поскуливанием. В те дни четвероногая подруга нередко слизывала с девических щек солоноватую грусть, скатывающуюся каплями из глаз.

Родители были напуганы удрученным состоянием Вероники, не зная, как помочь любимице. Иван Прокопьевич корил себя за преждевременность проведенного разговора, но через два месяца, переболев неожиданной новостью, Вероника наконец-то приняла ее как должное и успокоилась. Ее любовь и признательность родителям за все, что они ей дали и сделали, даже усилились. К тому же у Вероники появился еще и брат – пусть даже в одном лице с отцом.

Взаимная приверженность между молочными сестрами с годами не ослабевала, а только крепчала. Кто знает, возможно, Найда из далеких походов возвращалась именно к ней, Веронике, чтобы пристроиться к ее ногам, потереться о них, как тогда, при первой встрече под окном детского дома. Или она не могла послушаться давнего материнского наказа не оставлять никогда эту девочку, охранять и находиться при ней всю жизнь? Многое нам не дано знать о мире животных...

А однажды Найда ушла из дома и не вернулась ни через год, ни через два, – никогда. Напрасно ее ждали в семье и надеялись, что она вот-вот поскребется в дверь и войдет в квартиру. Напрасно ждали. Благополучию сытой жизни Найда предпочла полную опасностей и лишений жизнь на свободе.

Волки должны умирать в волчьей стае.

Ольга Вересняк

Родилась в г. Бийске Алтайского края, живёт в Лиде (город в западной части Белоруссии). Является участницей литературных сообществ «Чертог поэта» и «Суквецце» («Соцветие») г. Лиды, состоит в городском музыкально-литературном сообществе «МузАльянс».

Номинант литературной премии «Георгиевская лента», награждена одноимённой медалью; премии «Наследие» с вручением звезды «Наследие» от императорского дома Романовых.

Участствует в литературных конкурсах, номинант премии «Поэт года». В 2021 году публиковалась в сборниках «Музыка души», «Георгиевская лента», «Наследие», «Ёлки-палки», в журналах «Художественное слово», «Авторская поэзия XXI века».

Печальные глаза

Они встретились уже зрелыми людьми. Он увидел её глаза и сразу влюбился как мальчишка, решил, что обязательно познакомится с этой немного холодной с виду, но с очень печальными глазами женщиной.

Он долго искал повод заговорить с ней. Даже узнал, где она живёт, стал приходить к её дому и ждать её. А она каждый день выходила на прогулку и всегда была одна. Медленно проходила по парку и садилась на одну и ту же скамейку, вдали от людей, но отсюда открывался замечательный вид на озеро – в нём и летом и зимой плавали лебеди с дикими утками. Он смотрел на неё издали, как она читает, что-то пишет в блокноте или просто смотрит на воду своими печальными глазами.

Она всегда была одна. Иногда улыбка освещало её лицо, и оно становилось более мягким и красивым. У него замирало сердце от восхищения. Но подойти не решался.

Но однажды она не вышла на прогулку. Он прождал её два дня, но она так и не появилась. У него сжалось сердце, и он решился.

Поднялся к её квартире и позвонил, но никто не открыл дверь. Прислушался – а там тишина. В это время из соседней квартиры выходила женщина, и он спросил, где её соседка. Та сказала, что к ней приезжала «скорая» и её увезли в больницу два дня назад.

Он тут же побежал в больницу.

Только перед дверью палаты он оробел на секунду, но решил, что «сейчас или никогда». Открыл дверь и увидел её. Она лежала у окна, бледная, но всё такая же красивая. Глаза были закрыты.

Он подошёл к кровати, поправил одеяло. Она удивлённо посмотрела на него. А он решительно сказал, что теперь он будет о ней заботиться и возражения не принимаются. Она внимательно посмотрела на него и... улыбнулась.

Теперь их видят на прогулках всегда вместе, они ходят, держась за руки. А глаза его любимой женщины лучатся мягким тёплым светом.

И если вдруг они иногда снова покрываются печальной дымкой, то это не его вина.

Новогодний подарок судьбы

Сегодня еще один предновогодний вечер. Днём она приготовила небольшой праздничный ужин и даже напекла своих любимых ватрушек, чего не делала уже много лет. И сейчас она сидела в любимом кресле, включив новогоднюю программу по телевизору.

До Нового года оставалось несколько часов. Она мало смотрела программу, сидела и думала, что ещё один Новый год встретит одна. Её муж умер три года назад. К подругам не хотелось идти – у них свои семьи, дети, внуки.

Вдруг раздался звонок в дверь. Она удивилась, но встала и пошла открывать.

И ещё больше удивилась, когда увидела, кто к ней пришёл. У порога стояла хрупкая, почти замёрзшая молодая женщина с ребёнком на руках, рядом стояла объёмистая сумка с вещами. Женщина еле стояла на ногах от усталости.

Она вопросительно посмотрела на незнакомку, а та едва слышно произнесла:

– Я жена вашего сына... а это ваш внук. Муж бросил и выгнал нас из дома, и теперь нам негде жить.

Она постояла секунду, понимая, что женщина ошиблась адресом, но, ничего не сказав, кивнула: «Проходите». Взяв малыша, отнесла в спальню и стала раздевать его. Ребёнок так радостно ей улыбнулся, что она сама невольно улыбнулась в ответ.

Гостья тоже несмело улыбнулась, стала расстёгивать своё пальтишко, чуть слышно прошептала:

– Простите, но у нас никого больше нет, кроме вас. Я сама из детдома...

Она опять внимательно на неё посмотрела и сказала:

– Разденешь ребёнка, и приходите на кухню.

Повернулась и ушла ставить чайник.

Через пару минут гостья с малышом пришла на кухню и несмело присела на край табуретки.

Она поставила перед ними тарелку с едой, а сама села рядом. Ребёнок наелся и сразу заснул, прямо за столом. Она молча взяла его и унесла в спальню.

Молча, не говоря ни слова, ни о чём не спрашивая, женщины просто сидели и пили чай.

– Вовремя я напекла ватрушек, будет теперь кому есть. Скоро Новый год, пойдём смотреть телевизор. Я там стол накрыла.

И снова они молча сидели, пили чай, смотрели новогоднюю программу. Она улыбалась и думала, что это Господь привёл к ней этих несчастных. Чтобы она не была больше одна. А ещё она не сказала молодой женщине, что у неё никогда не было детей – так уж сложилась жизнь. И сама она тоже росла в детском доме.

P. S. Вот уже больше года она мама и бабушка. Она... она просто счастлива.

Первый прыжок

Их долго готовили к этому дню. Учили тщательно, аккуратно складывать и разглаживать каждую складочку, каждую стропу парашюта. Любая небрежность может стоить жизни. Учили, как правильно группироваться при прыжке, чтобы не получить травму, и многому другому.

Так прошло несколько месяцев. И вот этот день настал.

Она проснулась с первыми лучами солнца: казалось, время тянется очень долго, а ей хотелось уже бежать на лётное поле.

День был прекрасным, весеннее тёплое солнце играло с её рыжими волосами. Воздух был прозрачным, ветер не тревожил ветви деревьев, и всюду веял неповторимый аромат цветущей сирени. Она обожала весну, особенно когда цвела сирень.

Быстро вскочив с постели, сделала небольшую зарядку, умылась холодной водой и, едва коснувшись завтрака, выпорхнула из дома.

От возбуждения немного потряхивало, ей хотелось туда – в небо. Оно манило её с самого детства своей необъятной красотой. И сегодня исполнится её мечта! Сегодня её первый прыжок, первый полёт!

У неё словно выросли крылья, так быстро она добежала до автобуса, который вёз их группу на лётное поле. Она не помнила ни посадки в самолёт, ни взлёта... опомнилась только, когда инструктор открыл люки и в лицо ударила тугая струя воздуха.

Все прыгали по очереди. Вот пришёл и её черёд. Инструктор снова проверил снаряжение, поднял большой палец и похлопал по плечу. Она подошла к краю, оттолкнулась и прыгнула.

Восторг заполнил каждую клеточку её тела, она раскинула руки и ощутила себя птицей. Вокруг были только небо и она... Всё происходило как во сне.

У неё захватило дух от счастья и красоты земли с высоты полёта, хотелось петь и плакать. Ощутила толчок, и парашют раскрылся. Полёт замедлился, но земля приближалась. Она сгруппировалась и приземлилась.

Всё прошло удачно. Освободилась от парашюта, упала на траву раскинув руки. Лежала и улыбалась от счастья. Смотрела в небо и снова хотела туда, к облакам...

Потом были десятки прыжков, но она всегда вспоминала тот первый – когда она лежала на поле, глядела на голубое небо с ярким весенним солнцем, чувствуя пьянящий тонкий аромат сирени и беспредельное счастье...

Сирень

Ещё одна сирень в её жизни... Их так много было...

Она вздохнула полной грудью сладкий аромат...

– Обожаю, когда цветут сирень и черёмуха!

Она улыбнулась, и у неё стало хорошо на душе – как будто все проблемы исчезли...

Проблемы... Последние несколько лет они совсем её одолели. Когда поставили страшный диагноз, она не могла поверить, что это происходит с ней. Но постаралась взять себя в руки и стала бороться за жизнь... Все вокруг удивлялись её силе воли и как она может жить... Впрочем, это и для неё было непонятно: обычно люди сгорают очень быстро, а она живая...

А ну их! Что думать об этом?.. Жизнь так прекрасна! Она так любит весну и так любит сирень! Это так здорово – когда можешь дышать полной грудью и ничего не болит!

И вдруг она поняла, что всё плохое и страшное осталось позади! Больше не будет этого кошмара. Этой нескончаемой тошноты и слабости от химии, ничего подобного больше не будет! И она рассмеялась, совсем как девчонка...

Галка, которая сидела на соседней сосне, удивлённо на неё посмотрела и чуть не упала с ветки.

Она не смеялась так весело и звонко настолько давно, что совсем забыла, как это чудесно!..

Наира Григори

Родилась в Ереване. Окончила Ереванский медицинский Институт. Работала в Институте хирургии им. Микаэляна.

В 1994 году переехала в Москву, где продолжала работать врачом.

Публиковать рассказы начала на «Фейсбуке».

Фёдор

Фёдор потянулся, вытянул ноги и обреченно посмотрел на узкий проход самолета, где уже толпились утомлённые долгим перелётом пассажиры. Он был тоже не прочь встать, но будить Элис не хотелось. Пришлось уступить ей место у прохода – с её весом втиснуться в узкое кресло у окна было бы нелегко.

Она спала, слегка приоткрыв рот и время от времени громко всхрапывая. Рыжие кудряшки, влажные от пота, прилипли ко лбу. Большие, в таких же рыжих конопушках руки лежали на ручках кресла, и иногда длинные пальцы подрагивали в такт храпу. Весь этот суматошный и долгий день они провели на ногах, и теперь женщина, выбившись из сил, самозабвенно погрузилась в сон.

А Фёдору было не до сна. Всё было новое, такое ошеломительно незнакомое!..

Сначала гостиница, куда его привезли приемные родители. Таких хорóм он еще не видел! Всё сверкало и переливалось. Кровати были большие и мягкие. Фёдору, правда, постелили на диване.

Потом рестораны, куда ходили кушать. А ходили они часто. Как он понял из объяснений Элис, ей нужно было есть часто – «из-за сахара». Что за сахар, Фёдор не понял. Но понял, что если она не поест, то попадёт в больницу – так ему объяснила Элис.

В ресторанах ему брали взрослую порцию, которую он съедал в мгновение ока и с тоской поглядывал на тарелки окружающих. Элис понимающе улыбалась и заказывала ему десерт. Приёмный отец каждый раз с возмущением что-то ей говорил, Элис мягко ему отвечала по-своему, а потом на скудном русском переводила суть спора: «Джордж говорит, что ты будешь большой!» И показывала на свои бока. «Я говорит – он быть большой» – и показывала рукой выше своей головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.